Ogolevefs, Vladimir

Slovo o polku Igorevie

Владимиръ Оголѣвецъ.

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Пособіе для учащихся.

2-е исправленное изданіе.

1-е изд. Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущено** въ качествѣ **учебнаго пособія** для средн. учебн. завед. (Отн. за № 22982 отъ 24 августа 1910 г.).

Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ“.
ПЕТЕРБУРГЪ—КІЕВЪ.
1913.

Типографія Л. П. Кринскаго. Кіевъ, Б.-Васильковская № 26.
1913.

Предисловіе.

Настоящее изданіе исправлено соотвѣтственно указаніямъ рецензіи Ученаго Комитета Министерства Н. П. на первое изданіе этой книги. Текстъ памятника перепечатанъ съ Мусинъ-Пушкинскаго изданія; въ примѣчаніяхъ помѣщены варіанты изъ копіи, изданной Пекарскимъ, а также выбранныя мною исправленія отдѣльныхъ мѣстъ текста. Переводъ соотвѣтствуетъ исправленному тексту.

Литература вопроса:

А. Потебня. Слово о п. Иг.—Воронежъ, 1878;

Омелянъ Огоновськiй. Сл. о п. Иг.—Текстъ съ перекладомъ.—Львовъ, 1876;

А. Смирновъ. О Сл. о п. Иг.,—пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. — Выпускъ I, Воронежъ, 1877; выпускъ 2, Воронежъ, 1879;

Шевыревъ. Лекціи по исторіи русской словесности. Ч. 2. М. 1860;

Ждановъ. Лекціи по исторіи др. рус. словесности.—Кіевъ, 1879;

Келтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Ч. I. СПБ. 1906;

Ждановъ. «Литература Слова о п. Иг.»—1880;

Владиміровъ. Слово о п. Иг. Ч. 1.—Кіевъ 1894;

Барсовъ. «Сл. о п. Иг.», какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси». Три тома. СПБ. 1897—1890.

Тихонравовъ. «Слово о п. Иг.» Изданіе для учащихся. М. 1868.

Пыпинъ. Ист. русской литер. Т. I. СПБ. 1907;

Соловьевъ. Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ.—СПБ. 1902, Т. 1.

Пекарскій. «Слово о полку Иг.», по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II. СПБ. 1864.

Владимиръ Оголѣвецъ.

ТЕКСТЪ „СЛОВА“ И ПЕРЕВОДЪ.

Текстъ.

I.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы [1]) трудныхъ повѣстій [2]) о плъку Игоревѣ [3]), Игоря Святъславлича?

— Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени [4]), а не по замышленію Бояню [5]). Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію [6]) по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо, речь [7]), первыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедей: который дотечаше, та преди пѣснѣ пояше старому Ярославу [8]), храброму Мстиславу [9]), иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю [10]).

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа персты на живая [11]) струны въскладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря [12]), иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ [13]), наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую.

II.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты,

Переводъ.

I.

Не начать ли намъ скорбный разсказъ о походѣ Игоря Святославича старинными словами?

— Начнемъ наше сказаніе по событіямъ настоящаго времени, а не по мыслямъ Бояна. Вѣдь когда вдохновенный Боянъ хотѣлъ въ честь кого-нибудь создать пѣсню, то въ мысляхъ соловьемъ онъ носился по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Онъ вспоминалъ преданія о прежнихъ временахъ усобицъ; тогда онъ пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, и лишь только какой-нибудь соколъ настигалъ *лебедя*, тотчасъ тотъ лебедь начиналъ пѣснь въ честь стараго Ярослава, храбраго Мстислава, зарѣзавшаго Редедю предъ черкесскими полками, въ честь прекраснаго Романа Святославича.

Боянъ не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а ставилъ свои искусные пальцы на живыя струны, и онѣ сами пѣли славу князьямъ.

Итакъ, братья, начнемъ этотъ разсказъ отъ *времени* стараго Владимира до *времени* нынѣшняго Игоря, который закалилъ свою волю рѣшимостью, а сердце изощрилъ мужествомъ; полный воинскаго духа онъ повелъ свои храбрые полки на половецкую землю въ защиту земли русской.

II.

Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ, что всѣ воины его закрыты отъ солнца тьмою.

И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти [14])! А всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону!“ Спала князю умъ похоти [15]) и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго: „Хоцу бо“, рече, „копіе приломити конець [16]) поля Половецкаго; съ вами, Русици, хоцу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону!“

О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы [17]), свивая славы оба полы сего времени [18]), рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы [19])! Пѣти было пѣснѣ Игореви, того (Ольга) внуку: [20]) „Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому“. Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче?

Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ [21])! Игорь ждеть мила брата Всеволода [22]). И рече ему буй-Туръ Всеволодъ [23]): „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю, оба есвѣ [24]) Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курска на переди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети [25]): подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ.“

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличеть връху древа [26]), велитъ послушати земли незнаемѣ [27]), вълзѣ, и по морью, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ,

Сказалъ Игорь дружинѣ: „Братья и дружина! Лучше намъ быть убитыми, чѣмъ плѣненными. Сядемъ, братья, на своихъ быстрыхъ коней, чтобы посмотрѣть на синій Донъ“. Пришло князю на умъ желаніе попробовать *воды изъ* синяго Дона, и предъ желаніемъ этимъ померкло *недоброе* предзнаменованіе: „Хочу“, сказалъ онъ, „поломать копья въ крайнихъ предѣлахъ половецкаго поля; съ вами, русскіе, хочу голову свою положить, или шлемомъ напиться *воды* изъ Дона“.

О Боянъ, древнихъ временъ соловей! Если бы ты воспѣлъ эти походы, мыслью носясь соловьемъ по дереву, орломъ летая подъ облаками, въ словахъ воспѣвая событія нашего времени, идя вслѣдъ за Трояномъ черезъ поля на горы. Тебѣ бы слѣдовало пѣть пѣснь въ честь Игоря, внука Олега: „Не буря занесла соколовъ чрезъ широкія поля: галки стадами бѣгутъ къ великому Дону“. Или не такъ ли пѣлъ бы вдохновенный Боянъ, внукъ Велеса?

Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новгородѣ, знамена стоятъ въ Путивлѣ. Игорь ожидаетъ своего милаго брата Всеволода. И сказалъ ему Буй-Туръ Всеволодъ: „Ты у меня, Игорь, единственный братъ, единственный свѣтъ свѣтлый: оба мы сыновья Святослава. Сѣдлай, братъ, своихъ быстрыхъ коней; мои уже готовы, раньше осѣдланы у Курска. Вѣдь мои куряне опытные дружинники: подъ звуки трубъ они спеленаты, подъ шлемами убаюканы, концемъ копья выкормлены; дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты. Сами они скачутъ, какъ сѣрые волки, добиваясь для себя чести, для князя —славы“.

Тогда князь Игорь поставилъ ногу (вступилъ) въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце тьмою заслонило ему дорогу; ночь, гремя грозою, разбудила птичій свистъ; звѣрье поднялось; проснулся Дивъ; воетъ онъ на вершинѣ дерева, велитъ прислушаться (къ своему вою) землѣ невѣдомой, и Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Корсуню, и тебѣ,

Тьмутораканьскый блъванъ [28]). А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; кричатъ [29]) телѣгы полунощы, рци лебеди роспужени. Игорь къ Дону вои ведетъ; уже бо бѣды его пасетъ [30]) птиць; подобію, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ [31]); орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты. О Руская земле, уже за шеломянемъ еси [32]). Долго ночь мрькнетъ; заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя и рассушась стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякыми узорочьи половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю [33]). Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо [34]). Далече залетѣло! Не было въ обидѣ [35]) порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому [36]). Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; черныя туча съ моря идутъ, хотятъ прикрыти четыри солнца [37]), а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ [38]) у Дону Великаго. О Руская земле, уже за шеломянемъ еси [39])! Се вѣтри, Стрибожи [40]) внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ: стязи глаголютъ, половци идутъ отъ Дона и отъ моря; и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы оступиша. Дѣти бѣсови [41])

идолъ Тмутараканскій. А половцы окольными путями побѣжали къ Дону великому; скрипятъ въ полночь телѣги, словно вспугнутые лебеди, Игорь ведетъ свои войска къ Дону; уже птицы на дубахъ выжидаютъ его бѣду; волки по оврагамъ подстерегаютъ грозу; орлы клёктомъ созываютъ звѣрей къ костямъ; лисицы лаютъ на багряные щиты. О земля русская, ты уже за горою! Долго ночь остается мрачной; заря не даетъ свѣта,—туманъ покрылъ поля, пѣнье соловьевъ прекратилось, пробудился говоръ галокъ. Русскіе (воины) преградили багряными щитами широкія поля, добиваясь для себя чести, для князя—славы.

Въ пятницу на разсвѣтѣ они смяли языческія войска половецкія и, разсыпавшись стрѣлами по степи, увезли они красныхъ дѣвушекъ половецкихъ, а съ ними золото, парчу и дорогой бархатъ. Плащами, накидками, кафтанами и всякими половецкими драгоцѣнностями они стали замащивать болота и топи. Багряное знамя, бѣлое древко, багряный бунчукъ, серебряное копье—(досталось) храброму Святославичу. Дремлетъ въ степи храброе Олегово гнѣздо. Далеко оно залетѣло. Не родилось оно для добычи ни соколу, ни ястребу, ни тебѣ черный воронъ, поганый Половчанинъ. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, а Кончакъ слѣдуетъ за нимъ къ Дону великому. На другой день очень рано кровавая заря предвѣщаетъ разсвѣтъ; черныя тучи поднимаются съ моря, хотятъ онѣ прикрыть четыре солнца, а въ тучахъ вздрагиваютъ синія молніи. Быть, видно, сильной грозѣ! Разразиться, видно, дождю стрѣлами изъ-за Дона великаго! Видно, копьямъ поломаться, а саблямъ притупиться о шлемы половецкіе на рѣкѣ Каялѣ у великаго Дона. О русская земля, ты уже за горою! Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, несутъ съ моря стрѣлы на храбрыя Игоревы войска. Земля стонетъ, рѣки мутно текутъ, пыль покрываетъ степи; знамена шумятъ; половцы идутъ отъ Дона и отъ моря; со всѣхъ сторонъ обложили они русскія войска. Бѣсовы дѣти

кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь-Туре Всеволоде [42])! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя [43]) отъ тебе, Ярь-Туре Всеволоде! Кая раны дорога [44]), братіе, забывъ чти и живота, и града Чернигова отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая? [45]).

Были вѣци Трояни [46]), минула лѣта Ярославля; были плъци Ольговы, Ольга Святьславлича [47]). Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ [48]); то же звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ [49]). Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя [50]). Съ тоя же Каялы Святопълкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Ользѣ Гориславличи [51]) сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Даждь-божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣдко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи.

Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна: тугою възыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано передъ зорями? Игорь

наполнили степь крикомъ, а храбрые русскіе--багряными щитами.

Яръ-Туръ Всеволодъ! Ты стоишь на (полѣ) брани, осыпаешь войска стрѣлами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда ты, Туръ, поскачешь, своимъ золотымъ шлемомъ поблескивая, тамъ лежатъ языческія головы половецкія, а шлемы аварскіе разбиты въ щепы твоими саблями, Яръ-Туръ Всеволодъ! Братья, какія раны ему страшны, если онъ забылъ почести, жизнь, городъ Черниговъ, отцовскій золотой престолъ и ласки своей милой жены, красавицы Глѣбовны?

Были вѣка Трояна, минули годы Ярослава; были походы Олега Святославича. Вѣдь тотъ Олегъ мечомъ измѣну ковалъ и сѣялъ по землѣ стрѣлы. Заносилъ онъ ногу въ золотое стремя въ городѣ Тмутаракани—и къ тому звону прислушивался прежній великій князь Всеволодъ, сынъ Ярослава, а Владимиръ ежедневно затыкалъ уши въ Черниговѣ. А Бориса Вячеславича слава привела на судъ и на зеленый ковыль постлала саванъ храбраго и молодого князя за обиду Олега. Съ той же Каялы Святополкъ повелъ войска своего отца среди Венгерской конницы къ Святой Софьѣ въ Кіевъ. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ (земля) усѣивалась и прорастала усобицами; достояніе Даждь-божіихъ внуковъ погибало; среди княжескихъ распрей жизнь людей сокращалась. Тогда по русской землѣ рѣдко гикали пахари, но часто каркали вороны, раздѣляя между собой трупы; а галки говорили свои рѣчи, собираясь летѣть на пиршество. Такъ бывало во время тѣхъ войнъ и походовъ, а такой войны еще не было слышно. Съ разсвѣта до вечера, съ вечера до разсвѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ булатныя копья въ невѣдомой степи среди половецкой земли.

Черная земля подъ копытами была костями усѣяна и кровью полита: горемъ взошли (кости) на русской землѣ. Что за шумъ, что за звонъ доносится ко мнѣ рано предъ разсвѣтомъ? То Игорь

плъки заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полудиію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата розлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида [52]) въ силахъ Даждьбожа внука: вступила дѣвою на землю Трояню [53]); въсплескала лебедиными крылы на синемь морѣ: у Дону плещучи убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе. Рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то моеже“, и начаша князи про малое „се великое“ мльвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья, къ морю, а Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля [54]) поскочи по Руской земли, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ [55]). Жены рускыя въсплакашась аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима сглядати [56]), а злата и сребра ни мало того потрепати!“ А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна утече средѣ земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи, сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора [57]). Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую [58]) то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь [59]), грозздный выликый Кіевьскый грозою. Бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта

поворачиваетъ (обратно) свои войска, такъ какъ ему жаль милаго брата Всеволода. Бились они день, бились другой; на третій день къ полудню пали знамена Игоря. Здѣсь на берегу быстрой Каялы разстались оба брата. Здѣсь не хватило кроваваго вина; здѣсь завершили пиръ храбрые русскіе: сватовъ они напоили, а сами легли за землю русскую. Трава вянетъ отъ жалости, а дерево съ тоской поникло къ землѣ.

Братья, уже настали невеселыя времена, уже пустыня прикрыла (русскую) силу. Поднялась Обида среди силъ Даждь-божьяго внука: вошла она дѣвой на землю Троянову; заплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ: плескаясь у Дона, пробудила она обильныя (горемъ) времена. Среди княжескихъ усобицъ прекратилась война съ язычниками. Ибо сказалъ братъ брату: „Это мое, а то—тоже мое"; и стали князья про малое говорить: „Это великое"; другъ на друга ковали они измѣну, а язычники со всѣхъ сторонъ совершали побѣдоносные набѣги на русскую землю!

Да, далеко залетѣлъ соколъ: къ самому морю залетѣлъ онъ, преслѣдуя птицъ; а храбраго Игорева войска уже не воскресить! Позвалъ Гзака Кончакъ, и Гзакъ понесся по русской землѣ, пылающимъ факеломъ сѣя пожары. Женщины русскія заплакали, причитая: „Уже мы своихъ милыхъ мужей ни въ думахъ, ни въ мысляхъ не представимъ, ни въ глаза не увидимъ, а золотомъ и серебромъ уже намъ не позванивать!" Застоналъ, братья, Кіевъ отъ тоски, а Черниговъ отъ бѣдствій; горе разлилось по русской землѣ; печаль тяжкая течетъ средь земли русской. Князья сами другъ на друга ковали измѣну, а язычники, совершая побѣдоносные набѣги на русскую землю, брали дань по векшѣ отъ двора. Тѣ два храбрыхъ Святославича, Игорь и Всеволодъ, пробудили уже (своими) кознями бѣдствія, которыя прекратилъ было грозный своею строгостью Святославъ, великій князь Кіевскій. Онъ было подавилъ (половцевъ) своими сильными войсками и булатными мечами; онъ двинулся на землю половецкую, примялъ

хлъмы и яругы, възмути рѣки и озеры, иссуши потокы и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкыхъ яко вихъръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли [60]). Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ [61]) славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя,—рускаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево.

III.

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ [62]) мутенъ сонъ видѣ: „Въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя“, рече, „чръною паполомою на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгъ на лоно и нѣгуютъ мя [63]).

„Уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ [64]). Всю нощь съ вечера бо-суви [65]) врани възграяху. У Плѣньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю [66])“. И рекоша бояре князю: „Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самого опуташа въ путины желѣзны [67]). Темно бо бѣ въ третій день [68]): два солнца [69]) померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ [70]), тьмою ся поволокоста, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо. Уже снесе ся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю,

холмы и овраги, взбаламутилъ рѣки и озера, высушилъ потоки и болота; а язычника Кобяка, какъ вихрь, вырвалъ онъ изъ лукоморья, отъ желѣзныхъ громадныхъ войскъ половецкихъ. И палъ (мертвымъ) Кобякъ въ городѣ Кіевѣ во дворцѣ Святослава. Вотъ нѣмцы и венеціанцы, вотъ греки и чехи провозглашаютъ славу въ честь Святослава, порицаютъ князя Игоря за то, что онъ потопилъ богатства на днѣ Каялы, половецкой рѣки:—вѣдь насыпали тамъ русскаго золота. Князь Игорь пересѣлъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло плѣнника.

III.

Пріуныли у городовъ стѣны, а радость смолкла. Святославъ видѣлъ тяжелый сонъ: „На горахъ въ Кіевѣ, этой ночью, съ вечера“, разсказывалъ онъ, „меня одѣвали въ черный саванъ на тесовой кровати; лили на меня синее вино, смѣшанное съ горемъ; сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ изъ пустыхъ колчановъ языческихъ кочевниковъ и цѣловали меня“.

„А въ моемъ златоверхомъ теремѣ доски (на крышѣ) уже безъ конька. Съ вечера въ продолженіе всей ночи каркали вороны съ Бусовой горы. У Плѣснеска на равнинѣ были дебри, а Кіевляне отправились къ синему морю“. Тогда сказали бояре князю: „Князь, уже тоска овладѣла твоимъ духомъ: вотъ два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого стола, чтобы добыть себѣ городъ Тмутаракань или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже (половцы) подрѣзали соколамъ крылья саблями языческими, а самихъ соколовъ опутали желѣзными сѣтями. Стало темно на третій день: два солнца померкли, оба багряныхъ столба погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, Олегъ и Святославъ, заволоклись тьмою, погрузились въ море и тѣмъ придали хану много отваги. На рѣкѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ; по русской землѣ разсыпались половцы, какъ леопардово гнѣздо. Хула уже смѣнила хвалу; горе бурно вырвалось на волю;

уже връжеса Дивъ [71]) на землю; се бо готскыя [72]) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня Рускымъ златомъ поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю [73]). А мы уже дружина жадни веселія [74]).

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово [75]) слезами смѣшено и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣвете [76]), нечестно бо кровь поганую пролъясте! Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей сребреней сѣдинѣ?

„А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава [77]) съ черниговьскими былями съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы [78]). Тіи бо бесъ щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „Мужа имѣся сами! преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ" *). А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: княже ми не пособіе; наниче ся годины обратиша. Се у Римъ [79]) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову [80])".

Великый княже Всеволоде [81])! Не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ [82]). Ты бо можеши по суху живыми шереширы [83]) стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы [84]).

Ты буй Рюриче и Давыде [85])! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?

уже Дивъ бросился на землю. Вѣдь готскія красавицы стали пѣть на берегу синяго моря: играя русскимъ золотомъ, онѣ воспѣваютъ времена Буса, наслаждаются (мыслью) о мести за Шарокана. А мы, твоя дружина, жаждемъ радости".

Тогда великій князь Святославъ со слезами выронилъ золотое слово, сказавъ: „О сыновья мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы начали разбивать мечами половецкую землю, добывая себѣ славы. Но безславно одолѣли вы врага, безславно пролили языческую кровь. Ваши храбрыя сердца окованы твердой сталью, закалены въ отвагѣ; такъ ли поступили вы съ моими серебряными сѣдинами?"

„Я ужъ болѣе не вижу власти сильнаго и богатаго многоборца, брата моего Ярослава, съ его черниговской дружиной, съ его богатырями, съ Татранами, съ Шельбирами, съ Топчаками, съ Ревугами, съ Ольберами. Вѣдь они безъ щитовъ, съ ножами (только), крикомъ побѣждаютъ войска, гремя прадѣдовской славой. Но вы сказали: „Будемъ мужественны! Будущую славу сами возьмемъ, а прежнею сами подѣлимся!" Не было бы развѣ, братья, удивительно, если бы старый помолодѣлъ? Когда соколъ линяетъ, то высоко гоняетъ птицъ; не дастъ онъ (тогда) гнѣзда своего въ обиду. Но вотъ горе: нѣтъ княжеской помощи. Въ ничто превратились счастливыя времена. Въ Ромнахъ (люди) вопятъ подъ саблями половецкими, а Владимиръ подъ ранами. Печаль и горе сыну Глѣба".

Великій Князь Всеволодъ! Нѣтъ ли у тебя мысли прилетѣть издалека, чтобы защитить отцовскій золотой столъ? Ты можешь Волгу расплескать веслами, а Донъ вычерпать шлемами! Если бы ты былъ здѣсь, то плѣнницы цѣнились бы по ногатѣ, а плѣнники по рѣзанѣ. Ты можешь на сушѣ стрѣлять живыми самострѣлами съ удалыми сыновьями Глѣба.

Ты смѣлый Рюрикъ и Давидъ! Не вы ли плавали по крови своими позолоченными шлемами? Не ваша ли храбрая дружина вопитъ, какъ туры, раненые калеными саблями въ степи невѣдомой?

Вьступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святьславлича!

Галицкы Осмомысле Ярославе [86])! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы угорьскыи своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы, суды рядя [87]) до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть: оттворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

А ты, буй Романе [88]) и Мстиславе [89])! Храбрая мысль носить васъ умъ [90]) на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскыми. Тѣми тресну земля и многы страны хиновы: Литва, Ятвязи, Деремела [91]). И Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а дерево не бологомъ листвіе срони. По Роси, по Сули [92]) грады подѣлиша, а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличеть и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи [93]) храбрыи князи доспѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи, не худа гнѣзда шестокрильци! [94]) Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулици ляцкыи и щиты? Загородите полю [95]) ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ [96]). Единъ же Изяславъ [97]), сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи . о шеломы литовскыя,

Вступите въ золотыя стремена (мстя) за обиду нашего времени, за русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича!

Галицкій Осмомыслъ Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ; своими желѣзными войсками ты подперъ горы Карпатскія; ты загородилъ королю (венгерскому) дорогу; ты затворилъ Дунаю ворота, бросая груды камней сквозь тучи, рядя суды до (предѣловъ) Дуная. Наводимый тобою страхъ распространяется по землямъ; ты стрѣляешь съ отцовскаго золотого престола въ султановъ за предѣлами твоей земли. Стрѣляй-же въ Кончака, раба-язычника, (мстя) за землю русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича.

А вы, Романъ и Мстиславъ! Храбрая мысль направляетъ вашъ умъ къ подвигамъ. Ты (Романъ), въ отвагѣ высоко возносишься къ подвигу, какъ соколъ, кружащійся по вѣтру, смѣло стремящійся завладѣть птицей. Вѣдь у васъ желѣзные нагрудники подъ латинскими шлемами! Отъ нихъ трепетало много земель и странъ ханскихъ: Литва, Ятвяги, Деремела, Половцы—всѣ они побросали свои копья, а головы преклонили предъ тѣми булатными мечами. Но вотъ, князь (Романъ), для Игоря померкъ солнца свѣтъ, а дерево не къ добру потеряло листву. По Роси и по Сулѣ (враги) подѣлили (между собой) города, а Игорева храбраго войска уже не воскресить. Князь, Донъ призываетъ тебя (къ подвигу), а князей къ побѣдѣ.

Ингварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича, птенцы сильнаго гнѣзда! Вы захватили себѣ волости не жребіемъ побѣдъ. Гдѣ же ваши золотые шлемы, копья ляшскія и щиты? Заградите своими острыми стрѣлами дорогу кочевникамъ, (мстя) за землю русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

Уже Сула не течетъ серебряными струями къ городу Переяславлю, а Двина мутно течетъ на встрѣчу грознымъ Полочанамъ подъ клики язычниковъ. Одинъ только Изяславъ, сынъ Василька, ударилъ своими острыми мечами по шлемамъ литовскимъ;

притрепа *славу* дѣду своему Всеславу [98]), а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И схоти ю на кровать [99]) и рекъ: „Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“. Не бысть ту брата Брячаслава [100]), ни другого Всеволода [101]); единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе [102]). Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубять городеньскыи [103]).

Ярославе и вси внуци Всеславли [104])! Уже понизить стязи свои, воизить свои мечи вережени! Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ! Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи [105])!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни [106]) връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву [107]), и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго [108]). Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда [109]), обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же воззни стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу [110]) скочи влъкомъ до Немиги [111]) съ Дудутокъ [112]).

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными; на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла [113]). Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ [114]) бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше [115]), а самъ въ ночь влъкомъ рискаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови [116]) влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути“.

примялъ онъ славу своего дѣда Всеслава, а самъ примятъ литовскими мечами на кровавой травѣ подъ багряными щитами. Захватилъ онъ (свою славу) съ собой на (смертный) одръ и сказалъ: „О князь, дружину твою птицы прикрыли крыльями, а звѣри кровь (ея) полизали“. Не было здѣсь ни его брата Брячислава, ни другого Всеволода; онъ (Изяславъ) въ одиночествѣ выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла черезъ золотое ожерелье. Пріумолкли голоса, веселье поникло. Трубятъ трубы городенскія.

Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! Опустите свои знамена, вложите (въ ножны) свои притупленные мечи! Вѣдь вы потеряли дѣдовскую славу! Вы своими измѣнами стали навлекать язычниковъ на землю русскую, на край Всеслава. Отъ (вашихъ) козней явилось насиліе изъ половецкой земли!

На седьмомъ вѣкѣ (отъ времени) Трояна Всеславъ металъ жребій для выбора себѣ любимой дѣвушки. Дѣйствуя хитростью, онъ сѣлъ на коня и понесся къ Кіеву; копьемъ онъ коснулся золотого Кіевскаго стола. Оттуда, изъ Бѣлгорода, въ полночь помчался онъ лютымъ звѣремъ; скрылся въ синемъ туманѣ, а утромъ ударилъ таранами, отворилъ ворота въ Новгородѣ, разбилъ славу Ярослава и изъ Дудутокъ бросился волкомъ къ Немигѣ.

На Немигѣ снопы стелютъ изъ головъ, молотятъ булатными цѣпами; на току жизнь кладутъ, душу вѣютъ отъ тѣла. Кровавые берега Немиги были посѣяны не зерномъ, костями русскихъ сыновъ были они посѣяны.

Князь Всеславъ судилъ людей, заключалъ съ князьями договоры, а ночью волкомъ рыскалъ; изъ Кіева до пѣтуховъ добѣгалъ онъ до Тмутаракани, пересѣкая путь великому Хорсу. Ему въ Полоцкѣ рано звонили къ заутренѣ, въ колокола церкви святой Софіи, а онъ въ Кіевѣ слышалъ этотъ звонъ. Хоть въ иномъ тѣлѣ и бываетъ вѣщая душа, но часто терпитъ она горе. Въ честь его давно вдохновенный Боянъ сложилъ правильно припѣвъ: „Ни хитрому, ни быстрому, ни быстрому, какъ птица, не избѣжать божьяго суда“.

О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра [117]) нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскымъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидови [118]); нъ розно ся имъ хоботы пашуть, копіа поютъ на Дунаи.

IV.

Ярославнынъ [119]) гласъ слышить; зегзицею незнаемь [120]) рано кычеть: „Полечю“, рече, „зегзицею по Дунаеви [121]); омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“.

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „О вѣтрѣ вѣтрило“ [122])! Чему, господине [123]), насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле аркучи; „О Днѣпре Словутицю [124])! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады [125]) до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано!“

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче“.

V.

Прысну море полунощи; идуть сморци мглами Игореви князю Богъ путь кажеть изъ

Да, видно, стонать русской землѣ, вспоминая прежнія счастливыя времена и прежнихъ князей! Того стараго Владимира нельзя было удержать среди Кіевскихъ горъ; теперь его знамена раздѣлились между Рюрикомъ и Давидомъ; въ разныя стороны развѣваются ихъ бунчуки, а копья свистятъ на Дунаѣ.

IV.

Слышно голосъ Ярославны; на зарѣ кукуетъ она тихою кукушкой: „Полечу", говоритъ она, „кукушкой по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ; оботру князю кровавыя его раны на его мужественномъ тѣлѣ".

На (городской) стѣнѣ въ Путивлѣ на зарѣ плачетъ Ярославна, причитая: „О вѣтеръ—вѣтрило! Зачѣмъ ты, господинъ мой, вѣешь противъ моей воли? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крылышкахъ несешь ты ханскихъ стрѣлковъ на воиновъ моего мужа? Развѣ для тебя мало было вѣять вверху подъ облаками, баюкая корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господинъ мой, развѣялъ ты по ковылю мою радость?"

На (городской) стѣнѣ въ Путивлѣ на зарѣ плачетъ Ярославна, причитая: „О Днѣпръ Словутичъ! Ты прорвалъ сквозь землю половецкую каменныя горы. Ты баюкалъ ладьи Святослава, неся ихъ къ войскамъ Кобяка. Принеси, господинъ мой, моего мужа ко мнѣ, чтобы на зарѣ не посылала я слезъ своихъ къ нему на море"!

На (городской) стѣнѣ въ Путивлѣ на зарѣ плачетъ Ярославна, причитая: „Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты красно и тепло! Зачѣмъ ты простерло свои горячіе лучи на воиновъ моего мужа? Въ безводной степи ты (истомило ихъ) жаждой и свело ихъ луки, а колчаны горемъ затворило".

V.

Заплескало море въ полночь; поднимаются столбы тумана. Князю Игорю Богъ указываетъ дорогу изъ

земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти. Князю Игорю не быть! Кликну; стукну земля, въшумѣ трава: вежи ся Половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: „Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа". Игорь рече: „О Донче! Не мало та величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ. Не тако ли", рече, „рѣка Стугна [126]): худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу [127]) затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонило".

А не сорокы вътроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростръляевѣ своими злачеными стрѣлами". Речь Кончакъ ко Гзѣ:

половецкой земли въ землю русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Спитъ ли Игорь, бодрствуетъ ли, а мыслію измѣряетъ онъ степи отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь за рѣкой Овлуръ свиснулъ коня; велитъ онъ князю разумѣть. Князя Игоря какъ не бывало! Гикнулъ онъ,—загудѣла земля, зашумѣла трава: заволновались шатры половецкіе. А князь Игорь понесся горностаемъ къ тростнику, бѣлымъ гоголемъ къ водѣ, бросился на быстраго коня, спрыгнулъ съ него босымъ волкомъ, помчался къ лугу Донца, полетѣлъ соколомъ въ туманѣ, убивая гусей и лебедей къ завтраку, къ обѣду и къ ужину. Когда Игорь полетѣлъ соколомъ, тогда Овлуръ помчался волкомъ, стряхивая (съ травы) студеную росу: надорвали они своихъ быстрыхъ коней.

Сказалъ Донецъ: „Князь Игорь! Для тебя немало славы, для Кончака досады, а для русской земли радости“. Отвѣчалъ Игорь: „О, Донецъ! Немало славы для тебя въ томъ, что баюкалъ ты князя на волнахъ, что для него простилалъ ты зеленую траву на серебряныхъ берегахъ своихъ, что одѣвалъ его теплыми туманами подъ тѣнью зеленыхъ деревъ. Ты стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на волнахъ, утками на вѣтрахъ; но не такова рѣка Стугна: имѣя мутную волну, она впитала въ себя чужіе ручьи, разбросала лодки по кустамъ. А юношѣ, князю Ростиславу, Днѣпръ затворилъ свои темные берега. Плачетъ мать Ростислава по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Поникли цвѣты отъ жалости, и дерево съ тоской къ землѣ наклонилось“.

Не сороки застрекотали; вслѣдъ Игорю ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, а только ползли по лозамъ; дятлы стукомъ указываютъ дорогу къ рѣкѣ, соловьи веселымъ пѣніемъ предвѣщаютъ разсвѣтъ.

Говоритъ Гзакъ Кончаку: „Если соколъ летитъ къ (своему) гнѣзду, то соколенка мы разстрѣляемъ своими позолоченными стрѣлами“. Сказалъ Кончакъ Гзаку:

„Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею [128])“. И рекъ Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ“.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова, Коганя хоти [129]). „Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы“; Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесе, Игорь князь въ Руской земли! Дѣвици поютъ на Дунаи [130]); вьются голоси чресъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей [131]). Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ, Пѣти: слава Игорю Святъславличь, Буй-Туру Всеволоде, Владиміру Игоревичь! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ аминь!

„Если соколъ летитъ къ (своему) гнѣзду, то мы соколенка опутаемъ красавицей“. И отвѣтилъ Гзакъ Кончаку: „Если мы соколенка опутаемъ красавицей, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красавицы; станутъ насъ бить птицы въ степяхъ половецкихъ“.

Сказалъ Боянъ, древнихъ временъ пѣснопѣвецъ, о походахъ Святослава, Ярослава и Олега, пріятеля кагана: „Тяжело тебѣ, голова, безъ плечъ; горе тебѣ, тѣло, безъ головы“. Точно такъ и русской землѣ тяжело безъ Игоря. Сіяетъ солнце на небѣ: князь Игорь уже въ русской землѣ! Дѣвушки поютъ на Дунаѣ; голоса ихъ доносятся черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву ввозу ко святой Богородицѣ Пирогощей. Земли (русскія) рады, города веселятся: поютъ они пѣснь въ честь старыхъ князей, а потомъ—въ честь молодыхъ. Будемъ пѣть и мы: Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Да здравствуютъ князья и дружина, борясь за христіанъ съ войсками языческими. Слава князьямъ и дружинѣ! Аминь.

II. Примѣчанія къ отдѣльнымъ мѣстамъ

„Слова о полку Игоревѣ“.

1) «*Старыми словесы*». Авторъ «Слова» задается вопросомъ о способѣ изложенія событій; «*старыми словесы*» означаетъ здѣсь, можетъ быть, тѣ древніе миѳическіе образы, къ которымъ прибѣгалъ въ своемъ творчествѣ Боянъ.

2) «*Повѣстій*». Въ древне-русской литературѣ слово «повѣсть» являлось синонимомъ выраженія «историческій разсказъ»; ср. названіе древней лѣтописи: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ»...

3) «*О плъку Игоря*». Въ 1185 г. сѣверскій князь Игорь Святославичъ предпринялъ походъ въ половецкія степи; въ походѣ принимали участіе сынъ Игоря Владиміръ, князь путивльскій, братъ Игоря Всеволодъ Святославичъ, князь трубчевскій, племянникъ Игоря Святославъ Ольговичъ, князь рыльскій.

4) «*По былинамъ сего времени*». Авторъ приходитъ къ рѣшенію въ своемъ разсказѣ держаться событій современности.

5) «*По замышленію Бояню*». Согласно своему рѣшенію (пр. 4) авторъ хочетъ отрѣшиться отъ фантастическаго вымысла Бояна. Въ «Словѣ» авторъ приводитъ два изреченія Бояна: о Всеславѣ Полоцкомъ и о походахъ Святослава. Кромѣ того, авторъ два раза подражаетъ размѣрамъ Бояновыхъ пѣсенъ (стр. 6), при чемъ эти размѣры напоминаютъ размѣръ былинъ и историческихъ пѣсенъ, ср.:

«Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Кланяется Илья Муромецъ родному батюшкѣ»,

а также:

«А что дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ большой».

На основаніи словъ автора можно признать, что Боянъ —лицо, существовавшее въ дѣйствительности и исполнявшее функціи княжескаго пѣвца. Трудно согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые видѣли въ Боянѣ то миѳическое существо, то символъ народнаго пѣвца вообще. (Мицкевичъ, Вяземскій).

6) «*Растѣкашется мыслію по древу*». Въ изданіи Мусина-Пушкина данное мѣсто «Слова о п. Иг.» даетъ поводъ къ различнымъ сомнѣніямъ. Гербель слово «мыслію» замѣняетъ словомъ «мысію», «какъ называется векша въ Псковской губ.». Болѣе правильнымъ я считаю чтеніе Огоновскаго, который данное мѣсто реставрируетъ слѣд. образомъ: «Растѣкашеться мыслію славіемъ по древу»,—т. е. «въ мысляхъ носился соловьемъ по дереву». Такое чтеніе даетъ параллель къ послѣдующимъ образамъ (волкъ, орелъ), а потому — наиболѣе пріемлемо. Слѣдуетъ отмѣтить также толкованіе: «*По мыслену древу*». (*Arbor aphtoniana*).

7) «*Помняшетъ бо речь*». Мѣсто представляетъ нѣкоторыя трудности, такъ какъ у большинства издателей стоитъ слово «рече», переводимое словомъ «дескать». (Параллель къ малорусскому «мовлявъ», см. Потебня). Пониманіе даннаго мѣста облегчается принятіемъ чтенія: «Помняшетъ бо рѣчь», что можно перевести: «Вспоминалъ преданіе».

8, 9, 10) «*Ярославу, Мстиславу, красному Романови Святъславличю*». Идетъ рѣчь о Ярославѣ Владиміровичѣ Мудромъ, его братѣ Мстиславѣ, князѣ тмутараканскомъ, и о внукѣ Ярослава, Романѣ Святославичѣ. Въ 1022 году Мстиславъ одержалъ побѣду надъ черкесами и въ единоборствѣ убилъ ихъ предводителя Редедю. «Красный»—epitheton ornans.

11) *Живая струны... рокотаху*». Въ народной поэзіи и теперь обычно олицетвореніе струны:

a) «Вы послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ»...

b) «Козакъ молоденькій на скрипочку грає,
Струнва струнві правду вповідає» (См. Потебня).

12) «*Отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря*». Намѣреніе автора начать свой разсказъ отъ временъ первыхъ князей не осуществилось; быть можетъ, воспоминанія автора о «старомъ Владимерѣ» и др. князьяхъ пропущены позднѣйшимъ переписчикомъ, а можетъ быть, приведенныя слова служатъ только риторическимъ оборотомъ.

13) «*Иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ*». Возможенъ слѣд. переводъ: «Закалилъ свою волю рѣшимостью и изощрилъ ее мужествомъ своего сердца».

14) «*Луцежъ бы потяту быти*». Потебня полагаетъ, что это традиціонная фраза, служащая для выраженія рыцарскихъ чувствъ и неудачно вложенная въ уста Игорю.

15) «*Спала князю умъ похоти*». Такъ читаетъ это мѣсто и Потебня. Чтеніе Тихонравова: «Спалъ князю умъ по хоти», т. е. «вспомнилъ князь о женѣ», слѣдуетъ отвергнуть, потому что при такомъ чтеніи нельзя данную мысль логически связать со словами: «искусити Дону великаго».

16) «*Конецъ поля*». Мѣстный падежъ.

17, 18) «*Скача славію по мыслену древу*»—параллель къ мѣсту: «растѣкашется мыслію по древу». «*Летая умомъ подъ облакы*».—Въ переводѣ «*умомъ*» замѣняю «*орломъ*» что, кажется, даетъ послѣдовательность образовъ.

«*Свивая славы оба полы сего времени*». Это мѣсто давало поводъ къ заключенію, что авторъ думаетъ о соединеніи въ своихъ словахъ двухъ эпохъ (оба полы = обѣ половины). Это явное недоразумѣніе; «*оба—полы*»—нарѣчіе, въ переводѣ означающее «*вокругъ*». Т. о. приведенное мѣсто надо перевести такъ: «Соединяя *слова* вокругъ современности». Выраженіе «*славы*» измѣняется нѣкоторыми толкователями въ «*словесы*». Ср. въ лѣтописи «Воевати *оба-полъ* Волги». (См. Потебня).

19) «*Рища въ тропу Трояню*». Имя Трояна въ «Сл. о. п. Иг.» встрѣчается четыре раза. Старое мнѣніе, что «Троянъ»—какое-то миѳическое существо, слѣдуетъ отбросить. Также предположенная Тихонравовымъ замѣна слова «Троянъ» словомъ «Боянъ» не выдерживаетъ критики. Вполнѣ правильнымъ мнѣ кажется предположеніе Огоновскаго, что авторъ «Слова» зналъ преданія о римскомъ императорѣ Траянѣ; валы, построенные Траяномъ, проходили черезъ нынѣшнюю Бессарабію и Кіевскую губернію. Это и есть «*тропа* Трояня». Въ другихъ мѣстахъ «Слова» имя Трояна служитъ автору для обозначенія древняго времени.

20) «*Игореви, того Ольга внуку*». Внукъ Ярослава Мудраго, Олегъ Святославичъ, былъ дѣдомъ Игоря, героя «Слова о. п. Иг.». Слова «*Ольга*» не было въ изд. Мусина-Пушкина; оно вставлено комментаторами «Слова», потому что опредѣленіе «*того*» было бы нелогично относить къ предыдущему «*Боянъ*» или «*Троянъ*».

21) *«Комони ржуть за Сулою, . . . стоять стязи въ Путивлѣ»*. Хотя Кіевляне не принимали участія въ походѣ 1185 г., но перечисленіе въ данномъ мѣстѣ нѣсколькихъ городовъ умѣстно, какъ поэтическое выраженіе всеобщаго воодушевленія при извѣстіи о сборахъ въ походъ на половцевъ.

22) *«Мила брата Всеволода»*. См. прим. 3.

23) *«Буй-Туръ Всеволодъ»*. *«Буй-Туръ»*—epitheton ornans. Туръ, изъ породы быковъ, вымершій видъ—излюбленный образъ въ русскомъ фольклорѣ.

24) *«Есвѣ Святъславличя»*, т. е., мы, Игорь и Всеволодъ. (1 л. двойст. числа).

25) *«Свѣдоми къмети»—опытные дружинники.* (Отъ лат. *comes*—спутникъ). Варіантъ Пекарскаго: *«Свѣдоми къ мети»*, что онъ переводитъ такъ: *«Въ цѣль стрѣлять довольно свѣдомы»*. Чтеніе это натянуто, а потому не имѣетъ достаточныхъ основаній.

«Повити,... възлелѣяни,... въскръмлени». Гиперболическое выраженіе, заключающее въ себѣ понятіе о Курянахъ, какъ «рыцаряхъ безъ страха и упрека».

26) *«Нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ»*... Таково чтеніе этого мѣста у Мусина-Пушкина. Переводъ его слѣдующій: «Ночь, гремя грозою, разбудила птицъ; поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логовищахъ; дивъ воетъ»...

Реставрація даннаго мѣста, предложенная Огоновскимъ и др.: *«Нощь стонущи ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина вста; узбися Дивъ»*...; (переводъ см. стр. 7). Эта реставрація текста вполнѣ пріемлема, давая законченную послѣдовательность цѣлаго ряда картинъ.

Дивъ—божество, извѣстное у прибалтійскихъ славянъ подъ именемъ *Чернаго бога.* Это божество—символъ горя. Слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи, устраняя миѳологическое толкованіе, производятъ слово *Дивъ* отъ малороссійскаго *дивитись* (*смотрѣть*) и переводятъ его словомъ *развѣдчикъ*.

27) *«Земли незнаемѣ»*, землѣ половецкой, еще невѣдомой для участниковъ похода, представляющей для нихъ загадку.

28) *«И тебѣ Тъмутораканьскый болванъ»*. Дивъ, предвѣщающій несчастья, своимъ крикомъ захватываетъ огромный районъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію участниковъ похода, вездѣ ожидающихъ встрѣтить бѣдствія.

29) «*Кричатъ телѣгы*»—метафора; правильнѣе перевести «скрипятъ», хотя колоритъ подлинника при такомъ переводѣ нарушается.

30) «*Уже бо бѣды его пасетъ птицъ*». Темное мѣсто; возможно слѣдующее толкованіе: «*Уже бо бѣды его пасетъ птицъ по дубію*» («*Подобію*» въ началѣ слѣдующаго предложенія не даетъ удовлетворительнаго смысла). Въ такомъ случаѣ предъ нами слѣдующее разсужденіе: «Птица (птиць—им. пад. ед. ч.) жаждетъ его бѣды», т. е. ждетъ пораженія, чтобы поживиться трупами. Отсюда логически вытекаетъ переводъ: «Птицы выжидаютъ его бѣду».

31) «*Грозу въсрожатъ*». наиболѣе принято слѣдующее толкованіе даннаго мѣста: «Усиливаютъ грозу», «возбуждаютъ ужасъ», что не представляется филологически пріемлемымъ. Полагаю, что корень слова «*въсрожатъ*»—*сторож*; (*т* выпущено позднѣйшимъ переписчикомъ). Въ такомъ случаѣ переводъ даннаго мѣста: «Подстерегаютъ грозу» будетъ соотвѣтствовать картинѣ, нарисованной въ предыдущихъ строкахъ. (Прим. 30).

32) «*Уже за шеломянемъ еси*». Смыслъ: когда войска вступили въ степи, то русская земля осталась за холмами. Приведенныя слова здѣсь являются формулой прощанія.

33) «*Храброму Святъславличю*», т. е. Игорю.

34) «*Ольгово хороброе гнѣздо*». Олегъ—дѣдъ Игоря; князья, участвовавшіе въ походѣ,—представители рода Олегова, или «гнѣзда». (Поэтическій синонимъ).

35) «*Обидѣ*»,—т. е. для добычи; выраженіе «*обидѣ*» вытекаетъ изъ предыдущаго образа «*гнѣздо*».

36) «*Гзакъ—Кончакъ*». Половецкіе ханы, участники сраженія съ русскими войсками въ 1185 г.

37) «*Четыри солнца*»—четыре князя (см. прим. 3). Эпитетъ князя «солнце»—весьма обыченъ въ народной поэзіи.

38) «*На рѣцѣ на Каялѣ*». Каяла—д. б. рѣка Кагальникъ; (названіе двухъ небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Донъ).

39) См. прим. 32.

40) «*Стрибожи внуци*».—Стрибогъ—богъ вѣтровъ.

41) «*Дѣти бѣсови*».—Половцы—дѣти бѣса, духа тьмы, какъ язычники. Обычное представленіе въ народной поэзіи.

42) См. прим. 23.

43) «*Шеломы Оварьскыя*» — Аварскіе, т. е. половецкіе. Авары (лѣтоп. *обре*) кочевали въ юж. рус. степяхъ въ началѣ

VI-го в. по Р. Хр. Половцы здѣсь не совсѣмъ точно названы аварами.

44) «*Кая раны дорога*». Всеволодъ сражается, какъ простой воинъ. Смыслъ: рыцарская слава дороже ему личнаго счастья.

45) «*Красныя Глѣбовны свычая и обычая*». Жена Всеволода, Ольга Глѣбовна, была внучкой Юрія Долгорукаго (младшій сынъ Владиміра Мономаха).

«*Свычая и обычая*»--Синонимы понятія «любовь и ласка». (См. изслѣдованіе Потебни).

46) См. прим. 19.

47) «*Ольга Святъславлича*». Олегъ Святославичъ—внукъ Ярослава Мудраго, дѣдъ Игоря, героя «Слова о п. Иг.».

48) «*Ступаетъ въ златъ стремень въ градъ Тъмуторокань*». Авторъ здѣсь вспоминаетъ о борьбѣ Олега съ Всеволодомъ, отцомъ Владиміра Мономаха. Въ 1078 г. Олегъ, изгнанный изъ Владиміра на Волыни своимъ дядей в. к. Изяславомъ, бѣжалъ въ Тмутаракань; отсюда, въ союзѣ съ половцами и своимъ двоюроднымъ братомъ Борисомъ Вячеславичемъ, Олегъ двинулся противъ Всеволода, брата и союзника Изяслава. Борьба рѣшена не въ пользу Олега: Борисъ Вячеславичъ убитъ, и Олегъ снова бѣжитъ въ Тмутаракань. Послѣ вторичной неудачной борьбы съ Всеволодомъ Олегъ изгнанъ въ Грецію; затѣмъ впослѣдствіи княжилъ въ Черниговѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ.

49). «*Владиміръ уши закладаше*». Владиміръ Мономахъ уклонялся отъ борьбы, происходившей между Олегомъ и Всеволодомъ; (см. прим. 48).

50) «*Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе за обиду Ольгову*». Обида Олегова заключалась въ томъ, что изъ своего удѣла онъ былъ изгнанъ Изяславомъ; (см. прим. 48).

Въ этой фразѣ «*Канина зелена паполома*» переводится Пекарскимъ такъ: «*Зеленая конская попона*», что не даетъ исчерпывающаго смысла. Въ «Сказаніи о Дм. Ив.» есть слѣдующая параллель къ этому мѣсту: «Чаду твоему Іакову лежати на *зеленѣ ковылю* травѣ», что принято мною во вниманіе при переводѣ.

51) «*Съ тоя же Каялы... Гориславличи*»—не совсѣмъ ясное мѣсто. Если исправить «*повелья*» текста, какъ «*повелъ воя*», то получимъ приводимый мною переводъ. Остается неяснымъ

самый фактъ отправленія Святополка съ войсками его отца къ Кіеву, такъ какъ объ этомъ лѣтописи молчатъ.

Олегъ названъ *Гориславичемъ* аллегорически, такъ какъ онъ вовлекалъ половцевъ въ междоусобную борьбу князей.

52) «*Въстала обида*». Олицетвореніе горя присуще народной поэзіи;

«Посмотри-тко, мой милый,
На мое на окошечко;
На моемъ на окошечкѣ
Не *бѣда* ли тамъ лежитъ»? (См. Потебня).

53) См. прим. 19.

54) См. 36 примѣч. «*Карна и Жля*», должно быть, Кончакъ и Гзакъ. Послѣ неудачнаго похода русскихъ на половцевъ Кончакъ и Гзакъ предпринимали набѣги на Русь.

55) «*Въ пламянѣ розѣ*», собст., «*въ пламенномъ рогѣ*»; слѣдуетъ перевести—«*пылающимъ факеломъ*». Въ приведенномъ мѣстѣ у Мусина-Пушкина находимъ «*Карна и Жля*». Максимовичъ сталъ читать «*Гзакъ и Кончакъ*»; это чтеніе проливаетъ свѣтъ на данное мѣсто текста «Слова о п. Иг.», отвѣчая дѣйствительно бывшимъ историческимъ фактамъ.

56) «*Ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима сглядати*». Тавтологическія выраженія, свойственныя народной поэзіи, лучше оставлять безъ перевода.

57) «*По бѣлѣ отъ двора*». Параллель этому выраженію находимъ въ лѣтописи: «Козари имаху по бѣлѣ и вевирицѣ отъ дыма».

58) «*Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ*»... Вм. «*которую*» читаю «*которою*», относя это слово въ качествѣ дополненія къ гл. *убуди* («*Котора*» = = измѣна). Смыслъ такой: Борьба Игоря и Всеволода съ половцами вызвала на Руси новыя бѣдствія, особенно рѣзко чувствовавшіяся послѣ побѣдоносной борьбы съ половцами Святослава. (1184 г.).

59) «*Святославъ грозный*»—двоюродный братъ Игоря и Всеволода. (См. прим. 58).

60) «*Падеся Кобякъ... въ гридницѣ Святъславли*». Послѣ похода Святослава на половцевъ 1184 г. (см. прим. 58) половецкій ханъ Кобякъ былъ взятъ въ плѣнъ; по выраженію лѣтописи, «Кобяка руками яша». (См. Огоновскій).

61) *«Нѣмцы... и Морава»*. Авторъ, по мнѣнію Огоновскаго, имѣетъ здѣсь въ виду иностранныхъ купцовъ, «жившихъ въ торговомъ Кіевѣ». Принявъ во вниманіе, что къ концу XII-го в. политическое и экономическое значеніе Кіева пало, нельзя признать правильнымъ толкованіе Огоновскаго. Приведенное мѣсто, по всей вѣроятности,—не болѣе, какъ поэтическая гипербола.

62). См. прим. 59.

63) *«Вино съ трудомъ смѣшено»*. Ср. выраженія народныхъ пѣсенъ: «зелено вино», «вино горькое». *«Нѣгують мя»*. Чтеніе это принято всѣми комментаторами «Сл. о п. Иг.». Позволяю себѣ думать, что въ разсказѣ Святослава о его снѣ нарисована картина смерти: 1) его одѣвали въ черный саванъ, 2) крыша съ терема снята. Въ Малороссіи до сихъ поръ существуетъ обычай раскрывать крышу, чтобы душа могла безпрепятственно покинуть тѣло умирающаго. Картина смерти въ снѣ Святослава восполняется прощаніемъ съ нимъ посредствомъ цѣлованія. Слѣдовательно—*«нѣгують мя»* несомнѣнно испорченное переписчикомъ *«цѣлують мя»*.

64) *«Дъскы безъ кнѣса въ теремѣ златовръсѣмъ»*. Ср. народ. пѣсню: «Отшатилося крылечко...,
Разрѣшетились новы сѣни рѣшетчаты». (Потебня).

65) *«Бо-суви врани възграяху»*. Варіантъ Пекарскаго—*босуви»* (слитное чтеніе). Оба способа чтенія трудно поддаются переводу. Можно принять чтеніе: *«Бусови врани»*, что я перевожу: *«Вороны съ бусовой горы»*; (эта гора, по преданію, находилась у Кіева надъ Лыбедью). Относительно выраженія *«врани възграяху»* слѣдуетъ замѣтить, что въ русской народной поэзіи воронъ представляется вѣщимъ. Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ читаемъ:

«Наѣхалъ въ сыромъ дубу черна ворона,
Черна ворона граючаго,
Самъ говорилъ таково слово:
«Ай же ты воронъ, *птица вѣщая,*
Вѣщая птица, граючая».

Рыб. I, 274.

66) *У Плѣньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю»*. Весьма темное мѣсто, не поддающееся переводу. Варіантъ Пекарскаго: *«У Плѣснъска»* и т. д.. Плеснескъ —городъ въ княжествѣ Галицкомъ. Считаю возможной слѣ-

дующую реставрацію даннаго мѣста: «*У Плѣсньска на болони бѣша дебрь, кыяне же сошли къ синему морю*».

По мнѣнію Огоновскаго, приведенное чтеніе нелогично: какъ могли кіевляне пойти къ морю, спрашиваетъ комментаторъ, если они не принимали участія въ походѣ Игоря? —Кажущаяся нелогичность даннаго мѣста легко устраняется слѣдующими соображеніями: во снѣ Святославу дѣйствительность представляется съ обратнымъ знакомъ: на открытой равнинѣ у Плеснеска появились дебри; кіевляне, не принимавшіе участія въ походѣ, отправились къ морю.

67) «*Два сокола...—путины желѣзны*». Игорь и Всеволодъ, взятые въ плѣнъ.

68) «*Темно бо бѣ въ третій день*». На третій день битвы съ половцами русскія войска были разбиты.

69, 70) «*Два солнца*»—Игорь и Всеволодъ, герои «Слова о п. Иг.». «*Молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ*». Олегъ—одиннадцатилѣтній сынъ Игоря, взятый отцомъ въ походъ; Святославъ—племянникъ Игоря. Въ приведенныхъ выраженіяхъ замѣчательна строго выдержанная образность и логическая постепенность въ смѣнѣ образовъ: два солнца померкли, погасли и погрузились въ море.

71) См. прим. 26.

72) «*Готскыя красныя дѣвы*». Готы населяли побережье Чернаго и Азовскаго морей до 375 г. Быть можетъ, ко времени похода Игоря на половцевъ остались еще слѣды пребыванія готовъ на Таманскомъ полуостровѣ, а можетъ быть, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ начитанностью автора.

73) «*Поютъ время Бусово, лелѣютъ местъ Шароканю*». Готскія дѣвушки воспѣваютъ то время, когда Винитаръ разбилъ короля антовъ Бооза (Буса) (375 годъ). (Толкованіе Огоновскаго, отличающееся нѣкоторою фантастичностью). О Шароканѣ знаетъ лѣтопись: «Приде Бонякъ и Шаруканъ старый —и сташа около Лубьна..., а Шаруканъ едва утече» (1107 годъ). (См. Огоновскій).

74) «*Жадни веселія*» — смыслъ: жаждемъ бранныхъ подвиговъ.

75) «*Изрони злато слово*». Сохраняю при переводѣ образность приведенныхъ выраженій. Полныя скорби слова Святослава падаютъ, какъ «золото печали».

76) «*Нечестно одолѣсте*«. Святославъ указываетъ на то, что борьба съ половцами оказалась безрезультатной, а потому для ея участниковъ безславной.

77) «*Многовои брата моего Ярослава*». Ярославъ Всеволодовичъ, братъ Святослава, князь черниговскій.

78) «*Съ Татраны... и съ Ольберы*». Это названія отрядовъ, сформированныхъ изъ представителей финскаго племени Коуевъ; отряды названы по имени ихъ предводителей (мнѣніе Огоновскаго). Потебня полагаетъ, что «*Татраны*» (жители Татръ, карпатскихъ горъ) могли находиться въ войскѣ Ярослава Владимирковича Галицкаго, а не въ войскѣ Ярослава Всеволодовича Черниговскаго. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Ярославъ Черниговскій послалъ Игорю вспомогательный отрядъ, состоявшій изъ коуевъ, подъ начальствомъ Ольстина Олексича. Это признаетъ и Потебня.

79) «*У Римъ*». Наиболѣе пріемлемо толкованіе: «Въ Ромнахъ».

80) «*Сыну Глѣбову*». Владимиръ Глѣбовичъ, князь переяславскій. Послѣ пораженія русскихъ войскъ на Каялѣ половцы осаждали Переяславъ.

81) «*Великый княже Всеволоде*». Всеволодъ III, Большое Гнѣздо, сынъ Юрія Долгорукаго, князь владимирскій (на Клязьмѣ).

82) «*Кощей по рѣзанѣ*». Указаніе на рабовладѣніе въ древней Руси—исторически вѣрное.

83) «*Живыми шереширы*». Интересную параллель къ этому мѣсту приводитъ изъ лѣтописи Огоновскій: «Кончакъ бяше обрѣлъ мужа такого бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ; бяху же у нихъ луци тузи самострѣльнии».

84) «*Сыны Глѣбовы*». Владимиръ (см. прим. 80), Романъ, Игорь, Всеволодъ и Святославъ, дѣти Глѣба Ростиславича. Въ 1183 г. съ Всеволодомъ Большое Гнѣздо ходили на Болгаръ.

85) *Ты буй Рюриче и Давыде*»! Рюрикъ и Давидъ—сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владимира Мономаха.

86) «*Галицкы Осмомысле Ярославе*». Ярославъ Владимирковичъ князь Галицкій, извѣстный культурной дѣятельностью и искусной внѣшней политикой.

87) «*Суды рядя*», terminus technicus, оставляю безъ перевода. «*Времены*» текста исправлено въ «*бремены*» въ боль-

шинствѣ изданій, что гармонируетъ съ общимъ смысломъ всей фразы.

88, 89) *«Буй Романе и Мстиславе»*. Романъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава, князя владимирскаго и кіевскаго, былъ княземъ новгородскимъ, а впослѣдствіи владимиро-волынскимъ. Мстиславъ Ярославичъ, двоюродный братъ Романа Мстиславича, былъ княземъ пересопницкимъ.

90) *«Мысль носитъ васъ умъ на дѣло»*. «Мысль направляетъ вашъ умъ къ подвигамъ». Это плеоназмъ, сохраненный при переводѣ, чтобы не нарушить характера призыва автора, обращающагося къ современнымъ князьямъ.

91) *«Литва, Ятвязи, Деремела, Половци»*. Ятвяги, съ которыми велъ борьбу еще Владиміръ Св.,—племя, родственное литовцамъ; Деремела—племя, родственное латышамъ. Успѣшная борьба Романа Мстиславича съ перечисленными племенами побудила папу Иннокентія III-го предложить ему титулъ русскаго короля; однако это предложеніе Романомъ было отвергнуто.

92) *«По Роси, по Сули грады подѣлиша»*. См. прим. 80. Рось—правый, Сула—лѣвый притокъ Днѣпра.

93) *«Ольговичи доспѣли на брань»*. Скрытый упрекъ Роману. Ольговичи—дѣти и братья Ярослава Кіевскаго.

94) *«Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи»*. Ингварь и Всеволодъ—дѣти Ярослава Изяславича, князя луцкаго. Три Мстиславича—Романъ (см. прим. 89, 91), Святославъ и Всеволодъ—правнуки Мстислава (сына Владиміра Мономаха).

«Шестокрыльци». Образное представленіе трехъ птицъ (три Мстиславича), у которыхъ сумма крыльевъ равна 6. (Огоновскій).

95) *«Загородите полю ворота»*. Поле—въ собирательномъ значеніи, синонимъ понятія «кочевники».

96) *«Подъ кликомъ поганыхъ»*, т. е. язычниковъ литовцевъ.

97) *«Изяславъ, сынъ Васильковъ»*, внукъ Всеслава Полоцкаго, не упоминаемый въ лѣтописи. (См. Огоновскій).

98) *«Дѣду своему Всеславу»*. Всеславъ Брячиславичъ, полоцкій князь, умеръ въ 1101 году.

99) *«И схоти ю на кровать»*. Рѣчь идетъ объ Изяславѣ Васильковичѣ. (См. прим. 97). Реставрація текста, предложенная Максимовичемъ: *«И схопи ю на кровать*, наиболѣе удачна. Чтеніе Потебни: *«И съ хотию на кровать»* не даетъ достаточно удовлетворительнаго смысла.

100, 101) *«Не бысть ту брата Брячаслава, ни другого Всеволода»*. Брячиславъ, м. б. Васильковичъ, внукъ Рогволода, князь полоцкій. Смыслъ даннаго мѣста: Изяславъ (см. прим. 97, 99) умираетъ въ одиночествѣ, что считалось въ др. Руси безславнымъ.

102) *«Изрони душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе»*. Образное представленіе о смерти. Мѣстопребываніе души, по вѣрованіямъ древнихъ славянъ, было въ груди, а самая душа проявлялась въ дыханіи. «Злато ожереліе»—горло.

103) *«Трубы трубятъ городеньскыи»*. Городно—нынѣ мѣстечко Минской губ.

104) *«Ярославе и вси внуци Всеславли»*. По всей вѣроятности, здѣсь имѣется въ виду Ярославъ Юрьевичъ, князь пинскій. Имена остальныхъ «внуковъ Всеслава» трудно возстановить. Въ 1180 г., во время междоусобной борьбы Святослава, великаго князя кіевскаго, съ Ростиславичами, полоцкіе князья привели съ собою на театръ войны литовцевъ, а князь Игорь (герой «Сл. о п. Иг.»)—половцевъ.

105) *«Которое бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи»*. По мнѣнію Потебни—это позднѣйшая вставка, не вяжущаяся по смыслу съ разсказомъ о полоцкихъ событіяхъ. Вм. «Половецкыи» слѣдовало бы «литовьскыи». *«Которое»* текста слѣдовало бы исправить въ *«которою»*, т. е. *«измѣною»*, *«кознями»*.

106) См. прим. 19.

107) *«Клюками»*. Мѣсто нѣсколько неясное; принимаю то мнѣніе, что «клюка» означаетъ «хитрость». *«О кони»* текста слѣдовало бы читать *«оконися»*, т. е. «сѣлъ на коня».

108) *«Дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго»*. Должно быть намекъ на то, что Всеславъ недолго былъ великимъ княземъ Кіевскимъ. (1068—1069).

109) *«Изъ Бѣлаграда»*. Изъ Бѣлгорода (въ 10 верстахъ отъ Кіева) Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ. Въ «Словѣ о п. Иг.» нарушена хронологическая послѣдовательность дѣйствій Всеслава.

110) *«Разшибе славу Ярославу»*. Д. б. отвлеченное понятіе поставлено вмѣсто конкретнаго; «слава Ярослава»—Новгородъ, о которомъ Ярославъ Мудрый заботился такъ же, какъ о Кіевѣ.

111, 112) *«До Немизы съ Дудутокъ»*. Немиза, притокъ Свислочи, впадающей въ Березину; возлѣ Новгорода до сихъ поръ существуетъ монастырь «на Дудуткахъ».

113) «*На Немизъ снопы стелють... вьють душу отъ тьла*». При переводѣ сохраняю образность и колоритъ оригинала.

114) «*Кровави брезь не бологомъ бяхуть посьяни*». «Болого» = = благо; это слово часто употребляется въ памятникахъ др. рус. словесности въ значеніи «хлѣбный злакъ», «зерно».

115) Вмѣсто «грады» слѣдовало бы «ряды»—договоры. Тогда слова: «*Княземъ ряды рядяше*»—terminus technicus.

116) «*Великому Хръсови путь прерыскаше*». Хорсъ—богъ солнца. Слѣдуетъ отмѣтить въ данномъ мѣстѣ смѣшеніе языческихъ элементовъ съ христіанскими: Всеславъ, пересѣкая дорогу *Хорсу*, слышитъ звонъ колоколовъ *въ церкви св. Софьи.*

117, 118) «*Владимира... Давыдови*». (См. прим. 85). Вѣроятно авторъ имѣетъ въ виду Владимира Мономаха, стремившагося укрѣпить политическое единство Руси.

119) «*Ярославнынъ гласъ слышитъ*». Ярославна — жена Игоря, героя «Слова о п. Иг.», Евфросинія, дочь Ярослава Осмомысла. (См. прим. 86).

120) «*Зегзицею незнаемь*». Въ народной поэзіи кукушка представляется одинокой, тихой:

«А у садочку калина,
А на калині зозуля,
Вона не кує, *воркує*,
Ніхто зозулі не чує». (См. Потебня).

121) «*Полечю... по Дунаеви*». Упоминаніе имени Дуная до сихъ поръ встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, являясь пережиткомъ воспоминаній о тѣхъ временахъ, когда предки русскихъ славянъ жили у Карпатскихъ горъ.

122, 123) «*Вьтре, вьтрило*». Обращеніе къ стихіямъ природы, ихъ олицетвореніе—обычный пріемъ въ народной поэзіи.

124) «*О Дньпре Словутицю*». Потебня полагаетъ, что названіе «*Словутичъ*» происходитъ отъ того, что въ древности въ честь рѣкъ пѣли славу.

125) «*Святославли носады*». (См. прим. 60).

126) «*Не тако ли, рече, рька Стугна*». Стугна—правый притокъ Днѣпра.

127) «*Уношу князю Ростиславу*». Братъ Владимира Мономаха, князь Ростиславъ, утонулъ въ Стугнѣ въ 1093 г.

128) «*Опутаевь красною дьвицею*». Путы—синонимъ брака:

«Ахъ ты выкини, мати, *опутинку*,
Еще чѣмъ опутать ясна сокола». (См. Потебня).

129) *«Рекъ Боянъ»* и пр. Не совсѣмъ ясное мѣсто. Его смыслъ нѣсколько выигрываетъ при чтеніи: *«про походы Святослава»*. Соотвѣтственно этому чтенію сдѣланъ переводъ. Во время походовъ князей «тѣло было безъ головы»; аллегорія понятна.

130) *«Дѣвици поютъ на Дунаи»*. Возвращеніе Игоря привѣтствуютъ не только въ русской землѣ, но и за ея предѣлами. *«На Дунаи»*, должно быть, формула, служащая для выраженія понятія «широкая даль».

131) *«Къ Святѣй Богородици Пирогощей»*. Образъ Богоматери, писанный, по преданію, св. Лукою, привезенъ въ Кіевъ изъ Константинополя купцомъ Пирогощею.

III. Исторія „Слова о полку Игоревѣ“, его содержаніе и литературная форма.

«Слово о полку Игоревѣ, Святославля, внука Ольгова» было найдено въ 1795 г. графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ открытой имъ рукописи XVI в. Въ 1797 г. въ Гамбургскомъ журналѣ «Spectateur du Nord» помѣщена слѣдующая замѣтка: «Ce qui vous surprendra, peut-être davantage, c'est qu' on a deterré il y a deux ans, dans nos archives le fragment d'un poëme intitulé: «Le chant des guerriers d'Igor», qui peut être mis à côté des plus beaux morceaux d'Ossian... Un style energique, des sentimens d'un heroisme sublime, des images frappants... sont le mérite de ce fragment»... («Быть можетъ васъ очень удивитъ, что въ нашихъ архивахъ два года назадъ найденъ отрывокъ поэмы, озаглавленный: «Пѣснь о воинахъ Игоря», отрывокъ, который можно поставить на ряду съ самыми лучшими отрывками Оссіана... Энергичный стиль, чувства возвышеннаго героизма, потрясающіе образы—вотъ достоинства даннаго фрагмента»). Въ 1800 г. «Слово» было издано Мусинымъ-Пушкинымъ, а когда въ 1812 г. во время московскаго пожара подлинная рукопись сгорѣла, изслѣдователи «Слова» были поставлены въ очень неблагопріятныя условія, потому что изданіе «Слова» Мусинымъ-Пушкинымъ было выполнено безъ достаточныхъ критическихъ пріемовъ. Отсюда—рядъ темныхъ мѣстъ въ текстѣ «Слова», еще не совсѣмъ разобранныхъ его изслѣдователями. Неясность многихъ мѣстъ въ текстѣ «Слова» объясняется еще и тѣмъ, что, написанное въ концѣ XII в., оно при переписываніи въ XV и XVI в. подвергалось искаженіямъ *), такъ какъ многое въ немъ было непонятно позднѣйшимъ переписчикамъ. Т. о. въ

*) Ср. «*За шеломенемъ*» «Слова» и «*За Соломономъ*» «Задонщины».

текстъ вкралось значительное количество описокъ и ошибокъ, иногда совершенно затемняющихъ мысль автора. Надо думать, что «Слово» было извѣстно древнимъ русскимъ книжникамъ, такъ какъ его идейное и формальное вліяніе отразилось въ произведеніяхъ русской литературы XIV—XVI в.в. Къ произведеніямъ, въ которыхъ замѣтно вліяніе «Слова», относятся слѣд.: «Задонщина» въ нѣсколькихъ редакціяхъ, «Слово о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, како побѣдили супостата своего царя Мамая» и «Сказаніе и Повѣданіе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донского».

Научная разработка «Слова о полку Игоревѣ» въ XIX в. вызвала рядъ литературныхъ переводовъ, принадлежащихъ перу извѣстныхъ русскихъ и зап. европ. поэтовъ, и, кромѣ того, текстъ его былъ взятъ композиторомъ Бородинымъ въ качествѣ либретто для его оперы «Князь Игорь».

По содержанію и по формѣ, «Слово о п. Иг.» стоитъ особнякомъ въ древней русской литературѣ. Неизвѣстный авторъ разсказываетъ о походѣ сѣверскихъ князей на половцевъ. (См. прим. 3). Начавъ разсказъ «по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню», авторъ переходитъ къ изображенію самаго похода. Природа чувствуетъ плачевный исходъ предпріятія и какъ бы предупреждаетъ его участниковъ. Дѣйствительно, послѣ первой же побѣды русскихъ надъ половцами русское войско потерпѣло пораженіе. Авторъ ставитъ состояніе природы въ связь съ настроеніемъ русской земли, приписывая природѣ чувства и дѣйствія живого существа.

Слѣдствія пораженія сказываются быстро: половцы совершаютъ набѣги на русскую землю, «мычучи смагу въ пламянѣ розѣ«. Пораженіе русскаго войска даетъ автору «Слова» поводъ нарисовать картину политическаго состоянія и бѣдствій Руси. Онъ вспоминаетъ о прежнемъ князѣ Олегѣ, который «мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше».

Когда князья стали «про малое—«се великое» молвити, то поганыи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую». Всеобщее запустѣніе было слѣдствіемъ такого образа дѣйствій князей: рѣдко раздавался крикъ пахаря, зато часто слышалось каркавье вороновъ, дѣлившихъ добычу.

Теперь, послѣ пораженія русскихъ половцами, возобновились прежнія бѣдствія. В. к. Кіевскій Святославъ, узнавъ изъ сна о печальной участи князей, взятыхъ въ плѣнъ, скорбитъ объ общемъ несчастіи. Авторъ обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ современнымъ ему князьямъ. Въ этомъ призывѣ проходитъ рядъ бѣглыхъ, но блестящихъ характеристикъ князей, современниковъ Святослава. Раздоры князей, отсутствіе у нихъ солидарности и интереса къ судьбамъ родины вызываютъ у автора рядъ воспоминаній. Вспоминаетъ онъ прежнихъ князей полоцкихъ, сравниваетъ былую славу Всеслава Полоцкаго съ позоромъ и безславіемъ современныхъ ему полоцкихъ князей. Раздробилась земля Русская, нѣтъ больше прежняго единства! Раздѣлились знамена «Стараго Владимира» между Рюрикомъ и Давидомъ, въ разныя стороны развѣваются ихъ бунчуки.

Попутно съ изображеніемъ бѣдствій, которымъ подверглась русская земля, авторъ набрасываетъ нѣсколько картинъ, показывающихъ, какое впечатлѣніе произвело на Руси и за ея предѣлами пораженіе русскаго войска. Въ Кіевѣ люди торговые, греки, венеціанцы, нѣмцы, чехи шлютъ Игорю укоры за его опрометчивость, прославляя въ то же время Кіевскаго Святослава, побѣдоноснаго борца съ половцами. Русскія женщины предаются плачу и тоскѣ по погибшимъ близкимъ. А въ Тмутаракани готскія дѣвушки играютъ русскимъ золотомъ, мечтая о мести за старый позоръ Шарокана, хана половецкаго.

На фонѣ чувства скорби, овладѣвшаго русской землей, выдѣляется личное горе Ярославны, жены Игоря. На городской стѣнѣ въ Путивлѣ оплакиваетъ она Игоря, обращается съ мольбой къ стихіямъ природы, стремясь въ порывѣ отчаянія «зегзицею» полетѣть къ рѣкѣ Каялѣ, чтобы омыть Игорю его раны. Общее горе смѣняется радостью: Игорь возвращается изъ плѣна, «страны ради, гради весели».

Итакъ, весь матеріалъ «Слова» распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) Раздумье автора о способѣ изложенія событій и его рѣшеніе слѣдовать достовѣрнымъ фактамъ. 2) Разсказъ о походѣ на половцевъ, о побѣдѣ русскихъ, о ихъ пораженіи и воспоминанія о княжескихъ усобицахъ прежнихъ временъ; сочувствіе природы общему бѣдствію и плѣненіе Игоря. 3) Сонъ Святослава; обращеніе автора къ современ-

нымъ князьямъ съ требованіемъ помощи; упреки по адресу князей за ихъ «коромолы» и «которы», воспоминаніе о доблести Всеслава полоцкаго, скорбь объ отсутствіи единства въ дѣйствіяхъ князей, изображеніе бѣдствій русской земли. 4) Плачъ Ярославны. 5) Бѣгство Игоря изъ плѣна и всеобщая радость.

Таково содержаніе «Слова о п. Иг.» Этотъ памятникъ древне-русской письменности — единственный сохранившійся изъ глубины вѣковъ образецъ произведеній дружинно-княжескаго эпоса, безъ сомнѣнія богатаго произведеніями, аналогичными «Слову о п. Иг.» Въ исторіи литературы нѣтъ указаній на существованіе другихъ образцовъ дружинно-княжескаго эпоса кромѣ «Слова о п. Иг.» Однако нѣсколько простыхъ соображеній даютъ намъ право утверждать, что такіе образцы существовали.

1) Въ лѣтописяхъ разсѣяно много поэтическихъ легендъ и преданій, которыя часто вставляются лѣтописцемъ, иногда не умѣющимъ отдѣлить историческаго факта отъ поэтическаго вымысла, въ его повѣствованіе. Примѣромъ такихъ преданій является разсказъ о Кожемякѣ, единоборцѣ, спасшемъ отъ печенѣговъ войско Владиміра Св., или разсказъ о половецкой дѣвушкѣ, попавшей въ русскій полонъ и томящейся по родной степи, несмотря на свою любовь къ русскому юношѣ.

2) Авторъ «Слова о п. Иг.» нѣсколько разъ обращается къ «пѣснотворцу древнихъ временъ», вдохновенному Бояну, и приводитъ даже его изреченія. Если возможны какія-либо сомнѣнія въ существованіи Бояна, то все же фактъ остается фактомъ: княжескіе пѣвцы были необходимымъ элементомъ въ княжеской дружинѣ. А разъ были пѣвцы, то, слѣдовательно, въ ихъ распоряженіи былъ опредѣленный запасъ пѣсенъ, слагавшихся нерѣдко въ процессѣ пѣнія. Содержаніе пѣсенъ, по всей вѣроятности, бралось изъ сказаній о боевыхъ подвигахъ князей и ихъ дружинниковъ. Возможной представляется сводка такихъ пѣсенъ въ одно цѣлое (аналогично греческой рапсодіи).

3) Помимо заключенія отъ существованія пѣвцовъ среди княжескихъ дружинъ къ существованію дружиннаго творчества, нельзя оставить безъ вниманія того, что княжеская дружина была высшимъ классомъ древне-русскаго общества.

Поэтому ей было доступно просвѣщеніе въ большей мѣрѣ, чѣмъ другимъ общественнымъ группамъ: аристократизмъ положенія соединялся съ аристократизмомъ мысли. Къ тому же исключительное положеніе дружины, какъ оплота внѣшней безопасности страны, содѣйствовало выработкѣ среди дружинниковъ рыцарскаго духа». А перечисленныя условія представляютъ готовую почву для созданія легендъ, идеализирующихъ подвиги дружинниковъ и прославляющихъ ихъ дѣятельность.

«Слово о п. Иг.», по своей формѣ, близко къ поэмѣ. Основой содержанія «Слова о п. Иг.» служитъ историческое событіе, событіе огромнаго значенія, по мнѣнію автора «Слова». Событіе это (походъ русскихъ на половцевъ) занимаетъ въ «Словѣ о п. Иг.» центральное мѣсто, и всѣ картины, развертывающіяся передъ глазами читателя, логически примыкаютъ къ этому событію, а всѣ разсужденія автора логически изъ него вытекаютъ. Въ центрѣ событія стоитъ Игорь; для изображенія Игоря авторъ прибѣгаетъ къ идеализаціи, оттѣняя положительныя стороны его личности, противополагая ему князей, нарушающихъ единство русской земли. Идеализація Игоря только выигрываетъ оттого, что Святославъ Кіевскій шлетъ ему упреки въ неосторожности, а иностранцы, живущіе въ Кіевѣ, порицаютъ за матеріальный ущербъ, причиненный пораженіемъ русскихъ. Идеализація личности Игоря даетъ автору возможность выдвинуть на первый планъ идею произведенія—необходимость политическаго единства Руси и солидарности князей. Подобные литературные пріемы позволяютъ назвать «Слово о п. Иг.» поэмой, что оправдывается также обиліемъ сказочнаго, чудеснаго, фантастическаго, причудливыми нитями переплетающагося съ реальнымъ, историческимъ.

IV. Личность и міровоззрѣніе автора „Слова о п. Иг.“

Авторъ «Слова о п. Иг.» намъ не извѣстенъ. Въ исторіи русской литературы считается установленнымъ, что писалъ онъ свое произведеніе непосредственно послѣ похода 1185 года, быть можетъ въ 1187 г., когда Святославъ Кіевскій собирался въ новый походъ противъ половцевъ. Но другіе вопросы, касаю-

щіеся личности автора, требуютъ нѣкотораго обсужденія 1) Былъ ли авторъ «Слова о п. Иг.« участникомъ похода? 2) Какова степень образованности автора?

Обратимся къ первому вопросу, по которому въ исторіи русской литературы существуетъ разноголосица. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что авторъ «Слова о п. Иг.» участникомъ похода не былъ, что по происхожденію онъ былъ кіевлянинъ, а не сѣверянинъ. Основанія для такого предположенія слѣдующія:

1) Авторъ «Слова» критически относится къ Игорю и далекъ отъ идеализаціи его личности; а дружинникъ, находившійся въ войскѣ Игоря, долженъ былъ бы иначе относиться къ своему князю.

2) Авторъ «Слова о п. Иг.» «косвенно задѣваетъ» Игоря, вкладывая въ уста кіевскаго князя Святослава жестокій для Игоря упрекъ.

3) Авторъ «Слова о п. Иг.» сообщаетъ о порицаніи Игоря живущими въ Кіевѣ иностранцами.

4) Авторъ «Слова» чуждъ «мѣстнаго провинціальнаго патріотизма» и стоитъ «на великокняжеской точкѣ зрѣнія».

5) Авторъ «Слова о п. Иг.» «не столько передаетъ факты, сколько намекаетъ на нихъ», не упоминаетъ о томъ, что Игорь былъ раненъ, а «для лица, близкаго къ Игорю, это большой и непонятный промахъ» (стр. 610—612, Келтуяла «Ист. р. лит.»).

Приведенныя соображенія не представляются убѣдительными: 1) Идеализація личности Игоря въ «Словѣ» несомнѣнна. Игорь, какъ истый рыцарь, не останавливается въ своемъ предпріятіи послѣ недобраго предзнаменованія; Игорь—символъ единства русской земли: авторъ призываетъ князей къ мести «за землю русскую, за раны Игоревы». Вспоминая изреченіе Бояна: «Зло ти тѣлу кромѣ головы», авторъ прибавляетъ: «Русской земли безъ Игоря». Игорь—символъ всеобщаго счастья и радости: «Солнце свѣтится на небѣ: Игорь князь въ русской земли!» «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.» Бѣгству Игоря, главнаго героя поэмы, отводится вполнѣ законченная часть произведенія; плачу Ярославны, жены Игоря, посвящаются строки, проникнутыя интимной поэзіей. Это ли не идеализація?

2) Укоры Святослава, порицаніе Игоря со стороны греков, чехов и др. иностранцев, живущих в Кіевѣ, только оттѣняют величіе личности Игоря, как его понимает автор. (См. предыдущій очерк.)

3) Не надо было жить в Кіевѣ, чтобы чувствовать зло, причиняемое Руси раздробленіем ея на отдѣльные политическіе міры. Отсутствіе мѣстнаго патріотизма могло наблюдаться и у сѣверянина, черниговца. От набѣгов кочевников, от их участія в княжеских распрях одинаково страдали и Кіевская и Сѣверская области. Естественно стремленіе к политическому равновѣсію страны и у провинціала, и у жителя центральной области. Отсутствіе мѣстнаго патріотизма у автора «Слова о п. Иг.», кажется мнѣ, не говорит еще в пользу того, чтобы он был кіевлянином.

4) Утвержденіе, что автор «не столько передает факты, сколько намекает на них» не совсѣм соотвѣтствует дѣйствительности. Правда, длинных описаній в разсказѣ о походѣ русскаго войска на половцев нѣт, нѣт второстепенных деталей, зато есть правдивость и быстрота развитія дѣйствія. Главные же факты переданы точно: в первый день битвы, в пятницу, русскіе одержали побѣду, захватили богатую добычу, «помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а с ними злато, паволокы и драгыя оксамиты». Блестящій исход сраженія притупляет осторожность вождей, а в результатѣ— пораженіе: «Бишася день, бишася другый, третьяго дни к полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата розлучиста... Игорь князь высѣдѣ из сѣдла злата, а в сѣдло кощеево». Не только намек на факты, но и самые факты. Батальныя детали замѣнены поэтическими образами! И цѣльность картины была бы нарушена, если бы автор «Слова о п. Иг.» стал подробно останавливаться на мелочах. В картинѣ битвы поэтому указаніе на то, что Игорь был ранен, представляется ненужным. До ран ли Игоря, когда все войско разбито? Но в других мѣстах «Слова о п. Иг.» автор прямо говорит о ранах Игоря. Ярославна «полечю», рече, «зегзицею по Дунаеви; омочю бебрян рукав в Каялѣ рѣцѣ, утру князю *кровавыя его раны* на жестоцѣм его тѣлѣ». Призыв мстить «*за раны Игоревы*» также с несомнѣнностью указывает, что автору «Слова о п. Иг.» извѣстна хроника подробностей похода 1185 года.

Вышеизложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что авторъ «Слова о п. Иг.» былъ участникомъ похода Игоря на половцевъ. А если такъ, то отсюда слѣдуетъ, что авторъ «Слова о п. Иг.» былъ сѣверяниномъ, черниговцемъ, а не кіевляниномъ; вѣдь кіевляне не принимали участія въ походѣ Игоря.

Второй вопросъ, вопросъ о степени образованности автора «Слова о п. Иг.», разрѣшается пересмотромъ литературныхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ. Событія, разсказанныя авторомъ «Слова о п. Иг.», изложены въ Кіевской лѣтописи; однако есть различіе въ характерѣ изложенія лѣтописи и разсказа автора «Сл. о п. Иг.» Это различіе сказывается въ трактовкѣ личности Игоря, эгоиста—по лѣтописи, безупречнаго героя—по «Слову о п. Иг.» Въ остальномъ же оба источника свѣдѣній о походѣ 1185 года согласны между собою. Всѣ князья взяты половцами въ плѣнъ; Игорь счастливо бѣжитъ (въ 1187 г.) при помощи половецкаго воина, крещеннаго Лавора (Овлуръ «Слова о п. Иг.»); Всеволодъ еще остается въ плѣну, а Владимиръ Игоревичъ возвращается изъ плѣна съ дочерью половецкаго хана Кончака. Послѣдній фактъ почти одинаково передается обоими источниками:

«Сл. о п. Иг.»: «Рече Кончакъ ко Гзѣ:... «А вѣ сокольца опутаевѣ красною дѣвицею».

Кіевская лѣтопись: «Тогда же приде Володимеръ изъ Половецъ съ Коньчаковною: и створи свадьбу Игорь сынови своему, и вѣнча его съ дитятемъ».

Далѣе, лѣтопись молчитъ о судьбѣ Святослава Ольговича Рыльскаго, также взятаго въ плѣнъ половцами; молчитъ о его судьбѣ и авторъ «Сл. о п. Иг.»

Въ призывѣ къ современнымъ ему князьямъ авторъ «Слова о п. Иг.» вполнѣ согласенъ съ лѣтописью: съ точки зрѣнія послѣдней онъ не дѣлаетъ ни одного промаха. Въ воспоминаніяхъ объ Олегѣ Гориславичѣ (Святославичѣ) онъ опять таки слѣдуетъ лѣтописи. Но, переходя къ воспоминаніямъ о Всеславѣ Полоцкомъ, авторъ «Слова» нѣсколько отступаетъ отъ послѣдовательности въ похожденіяхъ Всеслава, какъ они передаются Кіевской лѣтописью. М. б. это licentia poëtica, а м. б., кромѣ Кіевской лѣтописи, авторъ «Слова» пользовался другими, неизвѣстными намъ источниками. Къ послѣдней мысли приводитъ то обстоятельство, что имена

внуковъ Всеслава, личности Изяслава Васильковича, «брата Брячислава и другого Всеволода» не поддаются возстановленію, т. к. въ Кіевской лѣтописи свѣдѣній о нихъ нѣтъ, да и вообще лѣтописи мало удѣляютъ вниманія полоцкимъ князьямъ.

Изъ всего сказаннаго выводъ слѣдующій: авторъ «Слова о п. Иг.» былъ хорошо освѣдомленъ въ области современной ему русской исторической литературы, а эта освѣдомленность говоритъ о значительной начитанности автора «Слова о п. Иг.» Степень его начитанности станетъ для насъ еще болѣе высокой, когда мы примемъ во вниманіе, что отдѣльныя мѣста «Слова о п. Иг.», отдѣльные поэтическіе образы, заимствованы изъ византійской литературы, которая въ переводахъ на русскій языкъ была извѣстна автору «Слова».

«*Сл. о п. Иг.*»: «По русской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо».

Апокрифъ «*Указъ Господа нашего Іисуса Христа*»: «Куманинъ (половецъ) пардосъ есть».

«*Сл. о п. Иг.*»: О Боянѣ сказано: «Летая орломъ подъ облакы».

Въ одной изъ переводныхъ повѣстей говорится о львицѣ: «Летая мыслію подъ небесемъ, яко орелъ»*).

«*Сл. о п. Иг.*»: »Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію. . . . . . и скочи съ него босымъ влъкомъ, ... и полетѣ соколомъ подъ мгламы».

«*Сказаніе о Соломонѣ*»: Соломонъ въ тоскѣ ищетъ умершую жену: «И палъ на землю, и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ, и поиде по землѣ лютымъ волкомъ, и поплы щукою въ море». (См. Келтуяла, стр. 605—606).

Однако при всей своей начитанности авторъ «Слова о п. Иг.» не выработалъ цѣльнаго міровоззрѣнія.

Христіанство, вошедшее въ сознаніе автора «Сл. о п. Иг.», какъ человѣка, воспитаннаго на церковно-византійской литературѣ, гармонически сочетается съ языческими вѣрованіями, отъ которыхъ еще не отрѣшился авторъ «Слова о п. Иг.», какъ дружинникъ. (Среди дружинъ княжескихъ нерѣдко встрѣчались «настоящіе» язычники).

Культъ Велеса, Даждь-бога, Хорса, культъ природы близокъ автору «Слова о п. Иг.». Олицетвореніе стихій природы

---

*) «*Слово о житіи*». Изд. II отд. И. Ак. Н., т. 4. стр. 141.

у автора «Слова о п. Иг.» является не только поэтическимъ пріемомъ. Слишкомъ большой искренностью вѣетъ отъ созданныхъ имъ образовъ, чтобы можно было считать ихъ только поэтическими категоріями.

Въ отношеніи своихъ политическихъ взглядовъ авторъ «Слова о п. Иг.» раздѣляетъ великокняжескую точку зрѣнія. Идеалъ его—единая, крѣпкая русская земля. Достиженіе этого идеала, по мнѣнію автора «Слова о п. Иг.», зависитъ всецѣло отъ воли и дѣятельности отдѣльныхъ князей, къ которымъ онъ и обращается съ горячимъ призывомъ бросить взаимныя распри.

V. Поэзія „Слова о полку Игоревѣ".

Для поэтическаго творчества необходимы извѣстныя условія. Ясное сознаніе дѣйствительности, сознательное отношеніе къ ней еще не даютъ почвы для поэтическаго творчества; послѣднее осуществляетъ свои права только тогда, когда явленія міра внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ переживаній проникаютъ другъ друга, органически сливаются другъ съ другомъ, образуютъ неразрывную цѣпь образовъ. Это главное условіе поэтическаго творчества, но не послѣднее. Необходимо, чтобы образы, представленія, возникающіе по поводу явленій дѣйствительности, отражали въ себѣ эту дѣйствительность, т. е., чтобы они были естественны, чтобы они не нарушали логическихъ законовъ и психологической правды.

Перечисленныя условія поэтическаго творчества блестяще соблюдаются авторомъ «Слова о п. Иг.». Въ этомъ произведеніи историческая и психологическая правда даютъ въ суммѣ впечатлѣніе необычайной искренности и свѣжести. Картина битвы, плача Ярославны, бѣгства Игоря изъ плѣна, характеристика князей, ихъ могущества, изображеніе горя и радости—все это захватываетъ вниманіе читателя чистой красотой, эпическимъ благородствомъ образовъ, глубокимъ, интимнымъ лиризмомъ, безкорыстнымъ героизмомъ.

Характеристика галицкаго князя Ярослава Осмомысла: «Галицкы Осмомысле Ярославе! *Высоко сѣдиши* на своемь златокованнѣмь столѣ, *подперъ горы* Угорьскыи своими *желѣзными плъкы, заступивъ* королеви *путь, затворивъ* Дунаю *ворота, меча* бремены *чрезъ облакы... Грозы твои* по землямъ *текуть...* стрѣляеши *салтаны* за землями».

Характеристика Всеволода «Большое Гнѣздо».

«Великый княже Всеволоде!... Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!»

«Слово» полно метафоръ, гиперболъ и художественныхъ образовъ. Они разсѣяны по всему тексту, и не моя задача перечислять ихъ: они становятся читателю ясными изъ внимательнаго чтенія самаго текста «Слова о п. Иг.».

Для примѣра укажу только нѣкоторыя гиперболы:

1) «А мои ти Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмлены.»

2) «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша.»

3) «Камо, Туръ, поскочаше..., тамо лежать поганыя головы половецкыя...»

4) «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти» и т. д.

Обычный пріемъ народной поэзіи,—отрицательные и положительные параллелизмы, съ успѣхомъ использованъ авторомъ «Слова о п. Иг.».

1) «Боянъ же, братіе, *не десять* соколовъ на стадо лебедей пущаше, *но своя вѣщія персты* на живыя струны воскладаше.»

2) «*Не буря занесе соколы* чресъ поля широкая, *галици стады бѣжать* къ Дону Великому.

3) «Сами скачють, *акы сѣрыи влъци.*»

4) «Кричать телѣгы полунощи, *рци лебеди роспужены.*»

5) «Не ваю ли храбрая дружина рыкають, *акы туры.*»

6) «Высоко плаваеши на дѣло въ буести, *яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся*»...

7) «Коли Игорь соколомъ полетѣ, *тогда Овлуръ влъкомъ потече*».

8) «Не сорокы вътроскоташа: *на слѣду Игоревѣ ѣздить Гза съ Кончакомъ*».

«Слово о п. Иг.» богато олицетвореніями. Природа живетъ своею особою жизнью: она прислушивается къ жизни людей, откликается на ихъ горе и радости. Природа—существо коллективное, слагающее свое бытіе изъ жизни отдѣльныхъ существъ. Такъ понимаетъ ее авторъ «Слова о п. Иг.»

Примѣры: 1) Предъ сраженіемъ солнце затмилось, какъ бы предвѣщая роковой исходъ предпріятія.

2) «Уже бо бѣды его пасеть птичь по дубію, влъци грозу всрожать по яругамъ; орли клектомь на кости звѣри зовуть.»

3) «Кровавыя зори свѣтъ повѣдають, черныя тучи съ моря идуть... быти грому великому!»

4) Передъ битвой «земля тутнеть, рѣкы мутьно текуть», и мн. др. мѣста «Слова».

Картины плача Ярославны и бѣгства Игоря изъ плѣна полны образами, въ которыхъ природа представляется живою и сочувствующею человѣку,—а психологическая правда дышитъ во всякомъ словѣ. Въ «Словѣ» сраженіе изображается то въ образахъ, взятыхъ изъ свадебныхъ обрядовъ, то въ образахъ, взятыхъ изъ повседневнаго обихода землепашца.

1) «Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сватовъ попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

2) «На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепы харалужными; на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла; Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускыхъ сыновъ».

3) «Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровью польяна: тугою възыдоша по Руской земли».

Въ приведенныхъ картинахъ замѣчательна логическая постепенность образовъ.

Этими краткими примѣрами заканчиваю очеркъ о поэзіи «Слова о п. Иг.»; поэзія его не искусственна: она не выросла въ процессѣ переработки одного только книжнаго матеріала. Нѣтъ, авторъ смѣлыми штрихами набрасываетъ картины, яркость и разнообразіе красокъ которыхъ не уступаютъ богатству красокъ, находящихся на палитрѣ народной поэзіи. И по содержанію поэтическіе образы «Слова о п. Иг.» часто приближаются къ образамъ русскаго фольклора. Потому-то поэзія «Слова о п. Иг.» свѣжа и неувядаема, представляя гармоническое согласованіе эпическихъ моментовъ съ элементами лирическими. А быстрота развитія дѣйствія и внезапные переходы отъ проникновеннаго лиризма къ величавому эпосу создаютъ впечатлѣніе глубокой жизненности, искренности и правды.

VI. Словарь къ „Слову о п. Игоревѣ“.

Абы; если, чтобы.

Аже; если.

Аркучи; (дѣепр. отъ гл. *ректи*)—говоря, причитая.

Аще; если, хотя.

Бдитъ; (гл. *бдѣти*)—бодрствуетъ.

Бебрянъ; бобровый.

Болванъ; идолъ, фигура живого существа (ср. оболванить).

Бологo; благо, хлѣбн. зерно.

Болонь; равнина.

Борзый; быстрый (нар. эпитетъ коня).

Боронь; брань, битва.

Бремень, ы; бремя, тяжесть, груда (камней).

Буесть;) наглость, смѣ-
Буйство;) лость, отвага.

Былина; событіе.

Быль, и; воинъ; во мн. ч. дружина.

Бѣла; векша, бѣлка, (это слово служило названіемъ древней монетной единицы).

Ваю; васъ. (Род. п. дв. ч. лич. мѣст. 2-го л.).

Вельми; очень.

Вереженый; поврежденный, притупленный (о мечѣ).

Взбивать; гнать, преслѣдовать.

Вихъръ; вихрь.

Власть; власть, волость (удѣлъ).

Вой; мн. ч. *воя*; воинъ.

Вонзити; вложить.

Възлелѣяти; выходить, вырастить, убаюкать.

Връгти; бросать, метать (жребій).

Въврьгтися; броситься.

Въсрожити; сторожить, подстерегать.

Въстати; встать, подняться.

Вътроскотати; застрекотать.

Въшумѣти; зашумѣть.

Вѣ; мы. (Им. п. дв. ч. мѣст. 1-го л.).

Вѣдомый; извѣстный.

Вѣжа; шатеръ.

Вѣщій; мудрый, чародѣй, вдохновенный, искусный.

Выторгти; вырвать, выхватить.

Галица; галка.

Гогель; лысуха (fuligula clangula), родъ болотной птицы.

Година; время.

Гораздъ; быстрый.

Горностай; животное изъ рода хорьковыхъ.

Горѣ; (нар.) вверху, высоко.

Граяти; каркать.

Гридниця; (сканд. hird) комната княжескаго дворца, гдѣ собиралась дружина.

Гроза; гроза, строгость.

Диво; удивленье.

Дотекати; достигать.

Дотчатися; дотронуться, коснуться.

Емляху; (прошедш. отъ гл. *яти*,) брали.

Жалость; (нѣм. Sensucht), тоска, страстное желаніе.

Жестокій; твердый, мужественный.

Животъ; жизнь.

Жизнь; достояніе, имущество.

Жирный; тучный, обильный.

Жиръ; богатство.

Забрало, забороло; стѣна, башня.

Закладати; затыкать.

Заповѣдати; завѣщать, предвѣщать, отнимать.

Зараніе; разсвѣтъ.

Засапожникъ; короткій ножъ, который носили въ сапогѣ.

Заступити; заслонить.

Затчати; заткнуть, затворить.

Зегзиця; кукушка.

Знаемый; знакомый.

Знаменіе; предзнаменованіе.

Истягнути; перетянуть, стянуть, закалить.

Каганъ; ханъ.

Касожскый; черкесскій.

Клекотъ; клекотъ (специфическій орлиный крикъ).

Клюка; хитрость.

Кнѣсъ; конекъ (главный брусъ, поддерживающій крышу).

Кожухъ; кожухъ (кафтанъ на мѣху).

Комонь; конь.

Котора; измѣна, козни.

Кощей; плѣнникъ, рабъ.

Крамола, коромола; измѣна.

Кромѣ; безъ.

Крѣпость; сила, рѣшимость.

Крѣсити; воскресить.

Кыкати; гикать.

Къмети; (лат. comes), спутники, дружинники.

Лада; милый, мужъ.

Лжа; нечестье, бѣдствіе.

Лоно; грудь.

Любо; либо, или.

Лѣпо; (греч. liparos, лат. lippus) прилично, умѣстно, красиво.

Многовой; многоборецъ.

Могута; богатырь.

Мыкати; (*мычучи*—д. пр.) метать, распространять.

Мытъ; періодъ линянія птицъ.

Нама; намъ (дат. п. дв. ч. лич. мѣст. 1-го л.).

Напасть; бѣда, бѣдствіе.

На переди (нар.) раньше, прежде.

Насадъ; лодка, ладья.

Насильно; противъ воли.

Неготовый; непроторенный, окольный (о дорогѣ).

Нелюбіе; досада.

Непособіе; отсутствіе помощи.

Нетрудный; легкій, воздушный.

Нечестно; безславно.

Ниче; ничто.

Ничити; поникнуть, завянуть.

Ногата; др. монетная единица (равная $2^1/_2$ рѣзанамъ, или $^1/_{20}$ гривны).

Оба-полы; (нар.) вокругъ.

Обѣситися; обвѣситься, закутаться, скрыться.

Оконитися; сѣсть на коня.

Оксамитъ; (греч. axamiton) бархатъ.

Орьтма; накидка, плащъ; (*татарск.*).

Оступити; обступить, окружить, обложить.

Отнь; отцовскій.

Паволока; виссонъ, парча.

Паперзь; нагрудникъ.

Паполома; (греч. peploma); саванъ.

Пардусъ; леопардъ, барсъ.

Пардужъ; (прилагат.) барсовый.

Пасеть; (отъ гл. *пасти*) питаетъ, предвидитъ, заботится, выжидаетъ.

Пахати; развѣваться.

Пламянь; пламенный, огненный, пылающій.

Плъкы; полки, войска, походы.

Поборатися; бороться.

Поблюсти; постеречь, защитить.

Повити (глаг.); пеленать.

Повитъ,—прич. отъ гл. *повити*.

Повръгти; бросить.

Поганый, (лат. paganus); язычникъ.

Подвигтися; всполошиться, взволноваться.

Позрѣти; посмотрѣть.

Полонити; взять въ плѣнъ.

Польяти; полить.

Помлъкти; умолкнуть.

Помолодити; помолодѣть.

Помчать; увезти.

Понизити; опустить.

Порохъ, пороси; пыль.

Поскепати; разбитьвъ щепы.

Потекти; помчаться.

Потоптати; смять.

Потрепати; потрясти, позвонить.

Потручати; притупить.

Потяти; убить.

Похоти; (им. п.); желаніе, хотѣніе.

Правити слѣдъ; слѣдовать.

Преди, (нар.); прежде, тотчасъ.

Прерискати; перебѣжать, пресѣчь.

Претръгти; подорвать, надорвать.

Пріодѣти; пріодѣть, прикрыть.

Припѣшати; сдѣлать пѣшимъ, подрубить, подрѣзать (о крыльяхъ).

Притрепати; побить, изрубить, разрушить, топтать, подавить, примять.

Простратися; распространиться, разсѣяться.

Прыщеши (отъ гл. *прыскати*); брызжешь, осыпаешь.

Путина; сѣть.

Пятокъ; пятница.

Раскропити; расплескать.

Растрати; разбросать.

Растѣкатися; распростираться, носиться.

Ратай, ратаеве; пахарь.

Ратный; воинскій, рыцарскій.

Рища; рыская.

Розѣ; нач. слова—*рогъ*; факелъ.

Рокотати; грохотать, гремѣть.

Роспужены; вспугнутые.

Россутися; разсыпаться.

Рци; (малор. *мовъ; русс. молъ, будто*); словно, какъ.

Рѣзана; (иначе *куна*); монетная единица въ Кіевской Руси.

Рѣчь; преданіе.

Рядити; устраивать, заключать (о договорѣ).

Рядъ; договоръ.

Свѣдомый; знающій, опытный.

Славій; соловей.

Смага; жаръ, сухость, пожаръ.

Смърчь, смърци; смерчь, столбъ.

Снестися; подняться.

Спала; (прош. вр. отъ гл. пасти); взошла, взбрела.

Стонати; стонать, гремѣть.

Стрикусъ; таранъ.

Стругъ; лодка, ладья.

Стружіе; оружіе, копье.

Стукнути; загудѣть.

Стягъ, стязи; знамя.

Сулица; копье.

Сѣнь; тѣнь.

Схопить; схватить.

Съпрягти; стянуть, согнуть.

Сътворити; сдѣлать; поступить.

Тектъ; стукъ.

Теремъ, (греч. teremnos); теремъ, свѣтлица, комната.

Тълковинъ; бродяга, кочевникъ.

Треснути; вырваться съ трескомъ.

Тропа; дорога, слѣдъ.

Тростіе; тростникъ.

Трудный; скорбный.

Трудъ; скорбь, тоска.

Трусити; отряхать; стряхивать.

Туга; тоска, горе.

Тула; колчанъ.

Туръ; зубръ или вымершій видъ, изъ породы быковъ; излюбленный образъ въ русскомъ фольклорѣ.

Тутнати; стонать.

Убудити; пробудить.

Угорскый; венгерскій, о горахъ—карпатскій.

Узбися, взбися; (прош. вр. отъ гл. *узбитися*); поднялся, проснулся.

Узорочье; драгоцѣнность.

Уноша; юноша.

Уныти; уныват; поникнуть.

Успе; уснулъ.

Успилъ; (отъ гл. *успати*); успокоилъ, прекратилъ.

Утрпѣти; терпѣть, страдать, уменьшаться.

Ущекотати; (примѣнит. къ соловью) воспѣть.

Уѣдіе; пища; пиршество.

Харалугъ; сталь, булатъ.

Харалужный; булатный, стальной.

Хинъ; ханъ.

Хоботъ; бунчукъ.

Хорюговь; древко знамени.

Хоти; (им. пад.). жена, другъ.

Цвѣлити; разбивать.

Чага; плѣнница.

Чему; зачѣмъ.

Чили; или, можетъ быть.

Чолка; бунчукъ, (конскій хвостъ, привѣшенный къ знамени).

Чти; сокращ. род. пад. отъ *честь*.

Чръленый; багряный.

Чрьнядь; дикая утка.

Шеломъ; шлемъ.

Шелоя, шеломянь; холмъ, гора; (лат. culmen).

Шереширъ; (араб. seresir); самострѣлъ.

Шизый; сизый, (народн. эпитетъ орла).

Ширятися; кружиться (о соколѣ).

Щекотъ; пѣніе (соловья).

Япончица; епанча, накидка.

Яругъ; оврагъ.

Ю; (вин. пад. мѣст. л. ж. р. 3-го л. ед. ч.); ее.

Оглавленіе.

Готовится къ печати:

Владимиръ Оголѣвецъ.

ЭТИМОЛОГІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА

для среднихъ учебныхъ заведеній.

Цѣна 30 коп.

